

ВАЛЕНТИН ХОЛМОГОРОВ • КРЫЛЬЯ

П.Р.О.Е.К.Т
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО
ПОГРАНИЧЬЕ

Пограничье

Валентин Холмогоров

Крылья

«АСТ»

2013

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Холмогоров В.

Крылья / В. Холмогоров — «АСТ», 2013 — (Пограничье)

ISBN 978-5-17-098084-0

Частный пилот Дмитрий и представить себе не мог, что его двухместный самолет оригинальной конструкции станет предметом пристального интереса со стороны агентов спецслужб. Тем более агентов, явившихся из другого мира. А очутившись в этой вселенной, он попадает в самый эпицентр хитрых политических интриг, которые плетут правители Сургана в борьбе за неограниченную власть над Центрумом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098084-0

© Холмогоров В., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валентин Холмогоров

Крылья

Художник А. Черный

Автор идеи С. Лукьяненко

© С. Лукьяненко, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Предзакатное небо над Танголом выкрасилось темно-синим, в цвет развевающихся над площадью знамен Великого Сургана. Ветер гнал лохматые лоскуты облаков, почти касающихся островерхих башен и покатых крыш Старого города, унося их куда-то на юг, туда, где среди бескрайних соляных пустошей раскинулись топи Ржавых болот. Еще полчаса, и бледное рыжее солнце нырнет за горизонт, а на брусчатку извилистых улиц сурганской столицы упадет дрожащий свет первых масляных фонарей. Польется незатейливая музыка из распахнутых настежь дверей многочисленных харчевен и трактиров, по тротуарам, нестройно распевая песни, станут прогуливаться подвыпившие ночные гуляки, а неторопливые локомотивы разожгут свои ходовые огни, разгоняя стуком паровых машин тишину городских окраин. Этот город никогда не спит.

– Господин генерал-министр? Вас ожидают.

Кельвер ден Геллер отвлекся от мечтательного созерцания раскинувшихся за окном пейзажей, одернул на себе китель и обернулся. Адьютант казался безупречно-почтительным, на его лице застыло отстраненное и учтивое выражение, какое, по всей видимости, и полагается по уставу приписанным к Ставке верховного командования офицерам-адъютантам. Наверное, здесь, в расположении Главного штаба сурганской армии, иных и не водится.

– Спасибо, я иду.

Китель, пошитый на заказ всего пару дней назад, предательски жал в плечах, заставляя ден Геллера сутулиться. Собственно, и генеральское звание ему присвоили отдельным приказом кабинета объединенного командования лишь двумя неделями ранее, попутно удостоив и еще одной великой чести – Кельвер стал самым молодым генерал-министром в истории вооруженных сил своей страны. Правда, на отношении к нему других военачальников это ровным счетом никак не отразилось: убеленные сединами старцы в штабе упорно продолжали считать основной ударной силой сурганской армии пехоту и танки, полагая не столь давно вставшую на защиту интересов отечества авиацию дорогой и никчемной игрушкой, а самого новоиспеченного генерала – карьеристом и выскочкой. И тем не менее он питал искреннюю надежду, что грядущая война все расставит по своим местам.

Зал совещаний подавлял своей монументальностью, как, впрочем, и все остальные помещения в этом старинном здании. Тяжелые мраморные колонны подпирают сводчатый потолок, одного взгляда на который вполне достаточно, чтобы у непривычного зрителя закружилась голова от ощущения перехватывающей дыхание высоты. Стрельчатые окна задрапированы тяжелыми портьерами, хорошо поглощающими звуки и скрадывающими гулкое эхо. Дальняя стена украшена огромной картой континента, выполненной в виде мозаики из миллионов полудрагоценных камней, но тем не менее весьма подробной и точной.

Кельвер оглядел массивный дубовый стол, установленный в центре зала. Кивнул художавому и подтянутому мужчине в строгом гражданском костюме: его старый знакомый Кордман Хорнер выглядел сегодня несколько усталым и осунувшимся. Не выпался он, что ли? Вот генерал ден Эйцель, командующий танковыми войсками, склонился к генералу от артиллерии Ронфеллю, что-то объясняет ему вполголоса на ухо. Ронфелль в отличие от многих присутствующих здесь происходил не из знатного рода, ведущего собственную летопись еще со старых времен, до Катастрофы, а поднялся, что называется, с самых низов. Он начал свою службу зеленым гауптманом, получившим под командование артиллерийский расчет вскоре после окончания обучения в офицерском корпусе. Тем не менее Ронфелль быстро завоевал репутацию отличного вояки и ответственного командира и принялся стремительно взбираться ввысь по карьерной лестнице, пока не очутился здесь, в начальственных кабинетах Главного штаба. Слева от него утопал в глубоком кожаном кресле генерал от инфантерии

ден Вернель, а сидевший по его правую руку лоснящийся мужчина в непривычного цвета светло-серой форме являлся, по всей видимости, военным представителем дружественной Онелли.

Распахнулись тяжелые двери, в зал заседаний шагнул наряженный, как на параде, церемониймейстер и хорошо поставленным голосом торжественно провозгласил:

– Верховный главнокомандующий вооруженными силами Великого Сургана кабинет-маршал барон Диттель ден Брунхильд!

Загremели отодвигаемые кресла и стулья, присутствующие дружно поднялись со своих мест. Барон стремительно – Кельверу показалось, даже излишне торопливо для его ответственной должности, – вбежал в зал, занял свое место во главе стола и, окинув присутствующих беглым взглядом, махнул рукой:

– Присаживайтесь, господа.

Снова заскрипели по паркету стулья, зашелестели кители и френчи. Кельвер, видевший маршала столь близко впервые в жизни, отметил, что на портретах и снимках, регулярно мелькавших на первых полосах газет, тот выглядел все же несколько выше и представительнее. Ходили упорные слухи, что во время публичных выступлений барон ден Брунхильд подставлял себе под ноги скамеечку, которую за ним постоянно таскал адъютант, иначе его было бы и вовсе не разглядеть за трибуной.

– Сегодня я собрал вас здесь, чтобы окончательно утвердить наши ближайшие планы, – не теряя времени даром, начал Диттель ден Брунхильд. – Прежде всего мне хотелось бы услышать доклады господ министров и генералов. С кого начнем?

– Мой доклад будет, наверное, самым коротким, – холодно улыбнулся министр информации и пропаганды Штонфель ден Греер, – у нас все готово вот уже полгода. Газетчики день за днем публикуют заметки о том, что Великий Сурган находится в окружении врагов, и призывают граждан встать на защиту отечества от коварных происков Аламеи, Краймара и их приспешников. Общественное мнение подготовлено, мы ждем только окончательного приказа.

– Прекрасно! – На лице ден Брунхильда засияла довольная улыбка. – Министерство финансов также недавно представило доклад о том, что необходимый военный бюджет выделен и уже подписан государственной канцелярией. А что скажут командующие армией?

Среди присутствующих возникло краткое замешательство, ибо кабинет-маршал вроде бы не обратился ни к кому конкретно, однако инициативу тут же взял в свои руки генерал Ронфельд.

– Артиллерия ждет вашего приказа, господин командующий, – склонил голову он.

– В настоящий момент мы перебрасываем к границе с Аламеей первую, вторую и четвертую танковые дивизии, – подал голос ден Эйцель, явно раздосадованный тем, что Ронфельд влез со своим докладом перед ним, – мы стараемся действовать скрытно, чтобы не вызывать беспокойства у противника, поэтому полное развертывание наших сил займет еще какое-то время. Мы полагаем, не более десяти дней.

– Пехота?

– Готова, господин кабинет-маршал, – встрепенулся ден Вернель, словно пробудившись ото сна. – Мобилизация и формирование стрелковых частей производятся согласно предварительному плану.

– Хорошо.

Адъютант положил на стол и раскрыл перед ден Брунхильдом толстую кожаную папку, в которую тот уставился так, словно видел ее впервые в жизни.

– Можем ли мы быть уверены, что противник не посвящен в наши планы и не успеет принять контрмеры?

Маршал поднял взгляд и остановил его на сидевшем в дальнем конце стола худощавом лысеющем человеке в скромном мундире с серебристыми погонами государственного чиновника первого ранга, украшенном двумя рядами орденских планок. Складывалось ощущение, что вокруг этого человека сам собою образовался какой-то разреженный пузырь, невидимая граница, преодолеть которую окружающие попросту не в силах. Наверное, так оно отчасти и было: Фирцевальд Карм, начальник «Вайбера», внешней разведки Сургана, обладал весьма своеобразной репутацией, заставлявшей присутствовавших на всякий случай держаться от него подальше.

– Я думаю, что опасения преждевременны, – покашляв в кулак, отозвался Карм, – наши агенты с мест докладывают, что аламейцы на текущий момент не обеспокоены возможным вторжением, а значит, нет оснований для беспокойства и у нас. Что же касается проникновения на нашу территорию шпионов и соглядатаев, то этот вопрос следует переадресовать моему коллеге из «Зольбера», командующему контрразведкой генералу Ханну.

Кельвер слышал, что начальник «Вайбера» недавно получил ранение в ногу, после которого в течение некоторого времени и вовсе не показывался на публике. Обстоятельства данного происшествия тщательно скрывались, и потому это событие обросло множеством невообразимых слухов. Поговаривали, будто Карма похитили не то джавальские повстанцы, не то агенты Соппротивления из Аламеи, и ему каким-то чудом удалось выбраться из плена. Сам Карм и его окружение не стремились опровергнуть досужие домыслы. Как бы то ни было, сейчас главный разведчик, несмотря на ранение, держался молодцом.

– Если в этом возникнет необходимость, мы можем оказать помощь разведке, – неожиданно для себя громко произнес Кельвер, и все взоры присутствующих обратились в его сторону.

– Чем вы сможете помочь, ден Геллер? – насмешливо поинтересовался генерал Ронфелль. – Вашими тремя десятками аэропланов и полудюжиной дирижаблей?

В зале послышались приглушенные смешки.

– Дирижабли вполне могут решать задачи глубокой разведки тылов противника, – парировал Кельвер, – лучше них выполнить рекогносцировку укреплений не сможет никто.

– Благодарю вас, господин ден Геллер, – внимательно глядя в глаза Кельверу, кивнул Карм, – я запомню ваш искренний порыв, однако пока ваше предложение, нужно полагать, принесет больше вреда, чем пользы. Неожиданное появление дирижаблей в небе над Ахтыбахом переполошит врага получше артиллерийского обстрела, и тогда противник уж точно успеет подготовиться. Я надеюсь, ваши подопечные, господин генерал-министр авиации и авиации, проявят себя наилучшим образом, как только боевые действия вступят в активную фазу.

Вокруг снова захихикали и зашушукались. Кельвер, отводя глаза от полных иронии взглядов со стороны соседей по столу, осторожно поправил на висках прическу, стараясь прикрыть ладонями пылающие уши, – такую откровенную отповедь он в последний раз получал разве что от родителей в далеком детстве, будучи застигнутым за воровством яблок в соседском саду.

– Кстати, насчет авиации, – прервал дискуссию барон Диттель ден Брунхильд, – как у нас продвигается производство новых аэропланов? Что скажете, камрад конструктор?

– Продвигается полным ходом, господин главнокомандующий. – Кордман Хорнер в своем строгом гражданском костюме выглядел белой вороной среди здешнего разнообразия мундиров, орденов и погон, потому, видимо, чувствовал себя слегка не в своей тарелке. – Мы наладили серийное производство аэропланов-истребителей первого поколения и вплотную приблизились к началу плановых испытаний принципиально новой модели.

– Вот и отлично, – хлопнул в ладоши главнокомандующий, – в таком случае предлагаю утвердить первоначально назначенную дату начала нашего наступления. Двенадцатое

число. К этому дню всем подразделениям на уровне штабов дивизий необходимо согласовать план совместных действий. У представителя Онелли нет возражений?

– Никак нет, – с легким акцентом отозвался мужчина в светло-сером кителе.

– В таком случае на сегодня все свободны, господа.

Маршал поднялся со своего места и, кивнув присутствующим, направился к выходу. Вновь зашоркали стулья, зал заседаний наполнился гулом множества голосов.

– Кельвер!

Кордман Хорнер, окликнув ден Геллера уже у самых дверей, нервно оглянулся по сторонам и с решительным видом зашагал рядом.

– Не найдется минутки? Есть разговор.

– Для тебя время найдется всегда, – доброжелательно ответил своему старому знакомому ден Геллер. Фактически они с Хорнером являлись единомышленниками – оба с самого детства болели небом, при этом один из них строил аэропланы, вкладывая в исследования и производство десятки миллионов из личных сбережений, а второй пытался пробить лбом каменную стену, выстраиваемую на его пути закоснелыми военными чиновниками-ретроградами.

– В каких ты отношениях с Кармом? – без лишних предисловий перешел к сути дела Хорнер.

– Считаю, что ни в каких. Шапочное знакомство, хотя у него вроде бы нет причин меня ненавидеть. Пока еще нет. Зачем он тебе?

– Нам нужны технологии, Кельвер. Очень нужны! И срочно!

Хорнер помолчал несколько секунд, затем, собравшись с духом, продолжил:

– То, что поставляет нам мануфактура Даффеля, никуда не годится. Ты и сам в курсе, потому не буду утруждать тебя лишними подробностями. Важно другое: если все останется как есть, с такой техникой мы много не навоюем.

– Что ты предлагаешь?

– Поговори с Кармом. Ты все-таки генерал, а я всего лишь гражданский специалист. Меня он слушать не станет. У подчиненной ему службы разведки имеются огромные возможности и широкие связи, я думаю, он сможет нам помочь. Должен помочь, Кельвер.

– Хорошо, – успокаивающе хлопнул по плечу своего товарища ден Геллер, хотя сам вовсе не был уверен в успехе подобного начинания. – Я сегодня же поговорю с Кармом. Не беспокойся, мы обязательно постараемся что-нибудь придумать.

Глава 1

– Тур-рысты! – процедил сквозь зубы Егорыч и звонко сплюнул себе под ноги.

Дима оглянулся. Сегодня «туристов» прибыло пятеро: грузный пузатый мужик в компании паренька, казавшегося выше его как минимум на голову, вероятно, отец и сын, с интересом разглядывали притулившийся на дальнем краю стоянки красно-белый «Злин», молодая парочка фотографировалась на фоне старенького «Яка», да возле вросшего в землю полуразрушенного ангара бродила с потерянным видом девочка-подросток в белой футболке и узких синих джинсах. Следом на почтительном отдалении семеня местный пес Батон, добродушно надеясь на подачку.

– Денег привезли, – пожал плечами Дима и протянул Егорычу тщательно промытую в керосине гильзу пламегасителя. Тот хмыкнул, ловко прикрутил деталь на место и, с лязгом захлопнув капот, принялся вытирать руки об извлеченную из кармана комбинезона промасленную тряпицу.

Посторонних Егорыч не любил, ибо те, бесцельно слоняясь по аэродрому, так и норовили сунуть свой любопытный нос куда ни попадая, а то и вовсе утащить на сувениры что-нибудь из его небогатого технического хозяйства. Скорее, обитатели Покровки относились к пришлым как к неизбежному злу: крошечный любительский аэроклуб, расположившийся на полузаброшенной еще в советские времена базе сельхозавиации, постоянно и очень остро нуждался в средствах. Да и добраться сюда из города уже было сродни подвигу: от деревни до аэродрома вела, петляя по полям, разбитая и заросшая бурьяном колея, в дождливые дни превращавшаяся в месиво из вязкой бурой грязи. Преодолеть эту естественную природную преграду был способен далеко не всякий внедорожник, потому гости в Покровку наведывались нечасто и, как правило, добирались сюда небольшими группами, сговорившись заранее. Вот как сегодня.

– Заводить будешь? – поинтересовался Егорыч.

– Ага, – ответил Дима, с кряхтением извлекая из-под лежавшего чуть в стороне линейного брезентового чехла алюминиевую канистру, – заправить только надо.

Тугая пластиковая пробка поддалась с трудом, в нос ударил резкий и горький запах, а голубоватая прозрачная жидкость, искрясь на солнце, заструилась сквозь пластиковую воронку в топливный бак.

– Здравствуйте!

Вблизи давешняя девица уже не выглядела подростком – скорее, на вид ей можно было дать лет эдак около двадцати или чуть больше. Щуплая, угловатая фигурка, каштановые волосы, коротко остриженные «под мальчишку», острые ключицы, виднеющиеся в прорези футболки, – неудивительно, что издалека она казалась чуть ли не ребенком. Девушка с любопытством разглядывала самолет, чуть позади, нацепив на физиономию дежурную улыбку, топтался бессменный руководитель аэроклуба Артем Валерьевич. В присутствии начальства кудлатый Батон решил на время оставить свой промысел и с независимым видом прилег в тенечке, внимательно наблюдая за людьми умными карими глазами.

– Привет, – отозвался Дима, опрокидывая остатки топлива в воронку. Девушка осторожно прикоснулась тонкими пальчиками к кромке винта, приподнявшись на цыпочки, заглянула в кабину и с решительным видом обернулась к Артему Валерьевичу.

– Я хочу покататься на этом самолете, – безапелляционно заявила она.

– Э-э-э... Видите ли... – замаялся аэродромный начальник. – Это частный летательный аппарат... Мы готовы предложить вам ознакомительный полет на «Злин-42», это очень надежная машина чешского производства... У аэроклуба есть еще «Пайпер» и «Цессна»...

– Послушайте, – оборвала его девица, – в вашей рекламе написано, что за деньги на аэродроме можно выбрать любой самолет. Я выбрала этот.

– Ну, если владелец не будет возражать... – протянул Артем Валерьевич и выразительно посмотрел на Дмитрия. Егорыч саркастически хмыкнул.

– Владелец возражать не будет, – категорично заявила девица и обернулась к Диме, – ведь правда?

Руководитель аэроклуба, глядя куда-то в сторону, украдкой потер большим пальцем об указательный, а девушка состроила такую наивно-умильную гримаску, что Диме оставалось разве что пожать плечами. В конце концов, деньги лишними не бывают, да и за топливо по нынешним ценам платить приходится изрядно. По крайней мере эта опустевшая канистра была последней.

– Полежайте, – скомандовал он, готовясь посадить пассажирку, однако помощи не потребовалось: едва дождавшись приглашения, та по-обезьяньи ловко запрыгнула в кабину и завопилась с ремнями. Артем Валерьевич, коротко кивнув, с довольным видом засеменил прочь.

– Запускай! – скомандовал Егорыч и предусмотрительно сделал несколько шагов в сторону.

Ухватившись за лопасть, Дмитрий с небольшим усилием провернул винт на пару полных оборотов, чтобы выгнать из цилиндров остатки застоявшегося топлива, и, открыв дверцу, нырнул в пилотское кресло. Тело окатило удушливой знойной волной: нагретый за день металл превратил тесное пространство под крылом в подобие духовой печи, а каучуковая грипса на ручке управления буквально обжигала пальцы. Егорыч вытащил из-под колес шасси противооткатные колодки и поднял вверх большой палец.

– От винта!

Коротко чихнул стартер, и застоявшийся июльский воздух захлебнулся оглушительным ревом мотора, а заскучавший без дела винт принялся разгонять полуденный зной. Над стоянкой поднялось сизое облако пыли. Дмитрий протянул пассажирке потертые черные наушники и нацепил точно такие же, с закрепленным сбоку микрофоном. Качнул педалями, проверяя движение руля направления, бросил короткий взгляд на безвольно повисший над вагончиком радиоточки полосатый чулок «колдуна» и включил связь.

– Пятьдесят второй, проверка.

– Пятьдесят два, слышу вас, – после короткой паузы отозвался в динамиках хрипловатый голос руководителя полетов.

– Пятьдесят второй, руление на предварительный.

– Разрешаю предварительный, пятьдесят второй.

Дмитрий потянул на себя рукоятку управления двигателем, чуть увеличивая обороты. Самолет, пробудившись ото сна, вздрогнул и неохотно покатился по выбеленной солнцем стоянке, поскрипывая стойками шасси на стыках бетонных плит, сквозь трещины в которых тут и там пробивались пучки жухлой рыжеватой травы. Обогнув гостевой домик, машина, тарыхтя мотором, замерла на рулежной дорожке.

– Пятьдесят второй, на предварительном, разрешите исполнительный, – произнес в микрофон Дмитрий.

– Занимайте исполнительный, взлет по готовности, – прозвучал в наушниках чуть приглушенный треском атмосферных помех ответ. Подтвердив разрешение на взлет, Дмитрий на всякий случай еще раз убедился в отсутствии заходящих на посадку самолетов и выкатил машину на взлетную полосу, направляясь к ее торцу.

Старая бетонка, расчерченная короткими штрихами самолетных колес, обрывалась в нескошенное поле желтоватой проплешины примятой травы, возле которой Дима ловко развернул машину. Скрипнули тормоза, широкая лента взлетной полосы на короткий миг

замерла под крылом. Дима потянул вверх ручку выпуска закрылков, мельтешащий перед капотом винт с утробным рыком слился в призрачный диск, и бетонка метнулась навстречу, стремительно ускоряя бег. Спустя мгновение невидимая сила мягко навалилась на плечи, приподнимая самолет над землей, пушистый травяной ковер лениво поплыл вниз. Машину ощутимо потянуло к зависшим в зените редким облакам, качнуло, ухнуло вниз, а затем снова повлекло в небо. Девушка коротко взвизгнула.

– Это «термичка», – успокоил ее Дима, – восходящий поток. Не пугайтесь.

Под крылом замелькали острые верхушки елей, самолет, чуть припав на крыло, заложил медленный разворот над лесом, продолжая понемногу набирать высоту. Внизу, перепрыгивая с ветки на ветку, его тщетно пыталась догнать стремительная юркая тень.

– Меня Анна зовут, – пытаюсь пересилить густой шум мотора, крикнула девушка.

– Дима, очень приятно.

Здесь, на высоте трехсот метров, из ниоткуда налетел отсутствовавший возле самой земли порывистый ветер, и потому пилоту приходилось то и дело придерживать легонький самолет, корректируя направление полета при помощи педалей. Машину чуть покачивало в переменчивых воздушных потоках. Дима убрал закрылки и немного убавил обороты, надрывное рычание мотора сменилось размеренным утробным гулом.

– Это «Стоул», да?

– С чего вы взяли? – Дима впервые бросил на свою пассажирку заинтересованный взгляд.

– Ну... Двухместный высокоплан. Характерные подкосы крыла, предкрылки...

А девица, похоже, немного разбирается в летающей технике. Редкое качество для представительниц прекрасного пола – редкое и весьма необычное.

– Это самоделка, – охотно отозвался он, – от «Стоула» тут только общая компоновка и аэродинамическая схема.

– Сами собрали? – удивленно приподняла брови девушка, с явным любопытством разглядывая приборную панель.

– Отец построил. Еще в восьмидесятых.

– Он у вас авиаконструктор?

– Конструктор-любитель. Хотя действительно работал какое-то время в авиапроме...

– Я надеюсь, он свое дело знает, – с беззаботным видом хохотнула Анна, хотя по ее немного напряженному лицу можно было сделать вывод, что в тесной кабине самодельного самолета она почувствовала себя немного неуютно. – По крайней мере со стороны этот аэроплан выглядит основательно.

– Не беспокойтесь, машина крепкая, – успокоил ее Дима, – фюзеляж из дюрала, двигатель надежный. Если вдруг откажет, самолет без проблем спланирует на любую более-менее ровную площадку.

– Вот потому я его и выбрала, он хотя бы железный, – кивнула в ответ Анна. – Видела я современные любительские самолетики. Сплошная пластмасса.

Дима отметил про себя, что девушка в целом права – ради уменьшения взлетной массы создатели нынешних летательных аппаратов старались по возможности использовать обтянутые специальным материалом каркасные крылья и фюзеляжи из пластиковых либо отлитых из армированного полимера деталей, закрепленных на трубчатой металлической раме. Конструкция получалась легкая, но не слишком надежная.

– Ну, с доступной населению пластмассой в восьмидесятые было как-то не очень, – усмехнулся он, – потому самолет построен из того, что оказалось тогда под рукой. Синтетики тут и вправду относительно немного.

Мохнатая и холмистая равнина леса оборвалась ломаной чертой под крылом, солнечный диск ослепительно сверкнул в зеркальной глади небольшого озера. Мимо проплыла

россыпь крошечных, будто игрушечных домиков с разноцветными крышами, вдалеке показалась тонкая нитка шоссе, украшенная, точно диковинное ожерелье, блестящими бусинками медленно ползущих куда-то по своим делам машин.

– Спиртом воняет, – сморщила носик Анна и с подозрением покосилась на пилота, видимо, заподозрив его в тайном злоупотреблении крепкими напитками. – Вы не чувствуете?

– Чувствую, – улыбнулся Дима. – Он и летает на спирту.

– Серьезно? Вы его водкой, что ли, заправляете?

– Техническим этанолом, – засмеялся Дима, – водкой было бы слишком дорого.

– Ничего себе. – Девушка, похоже, была удивлена не на шутку. – Что же там за двигатель такой?

– Да обычный бензиновый, модифицированный только, – пустился в объяснения Дима. – Когда Горбачев в восемьдесят пятом сухой закон объявил, отец сразу решил движок переделать, думал, в стране, завязавшей с пьянством, появится много дешевого и не востребовавшегося спирта. Наивный. Как и все изобретатели, впрочем. Даже несколько патентов за это получил и письменную благодарность от партии и правительства. Статью еще потом в «Технике – молодежи» напечатали... Движок, кстати, по удельной тяге получился уникальный, бензиновым аналогам такая мощность даже не снилась. Только вот народному хозяйству эта «спиртовка» оказалась не нужна, не востребована она, как выяснилось, в развитом социалистическом обществе.

– И что потом?

– А потом перестройка, ускорение, гласность, разруха. – Дмитрий махнул рукой. – Вы, наверное, все это и без меня прекрасно знаете. Переводить двигатель обратно на бензин было бы слишком долго, да и, честно говоря, не на что. Так и летаем. Если удастся достать, чего в бак налить. Держитесь!

Дима отклонил ручку управления влево, и машина, завалившись набок, с раскатыстым урчанием ушла в крутой разворот со снижением. Анна, закусив губу и вцепившись в кресло, смотрела распахнутыми глазами на проплывающую под ее плечом землю, расчерченную ровными прямоугольниками частных огородов. Впереди, за изумрудной полосой перелеска, проявилась едва различимая отсюда линия взлетной полосы, обрамленная с одного края беспорядочно разбросанными кубиками аэродромных построек. Чуть в стороне тянула к небу тонкие дымные хвосты из печных труб деревня Покровка.

– А вы давно летаете? – поинтересовалась девушка, с трудом переведя дух.

– С детства. Меня отец часто на аэродром брал. Возились вместе с техникой, потом он стал меня в кабину сажать, давал понемногу за ручки подержаться. Лет в четырнадцать я уже сам управлять самолетом научился, под его присмотром, конечно.

– А по профессии вы тоже летчик?

– Нет, по профессии я инженер. Быть летчиком слишком хлопотно.

– Почему же?

– Сложный график, длительные командировки, постоянная смена часовых поясов. Питание нездоровое, ночные перелеты. В общем, есть и более спокойные способы заработать на жизнь, а полетать можно в свое удовольствие, если захочется и погода позволит.

Лесные кроны приблизились, за клубились внизу густыми зелеными бурунами, в далеких деревенских домиках уже можно различить играющие солнечными бликами оконца, а узкая полоска аэродромной бетонки обрела привычные очертания, медленно наплывая сквозь рассеивающуюся знойную дымку.

– Пятьдесят второй, заход-посадка, – произнес в микрофон Дмитрий.

– Выполняйте, пятьдесят второй, – прохрипели в ответ наушники.

– Разрешили.

Дима вновь выпустил закрылки и убрал газ до малого. Двигатель почти стих, настолько, что в подкосах крыла громко и весело запел ветер. Земля устремила навстречу, промелькнул торец взлетки, и самолет, коснувшись полосы, гулко принялся пересчитывать колесами стыки бетонных плит. Сбросив скорость, Дима свернул на магистральную рулежку. Машина, завершив короткий пробег, замерла у края стоянки, чихнув напоследок мотором. Навалилась непривычная тишина, нарушаемая лишь сухим потрескиванием разогретого капота.

– Спасибо, Дима, – искренне произнесла девушка, с трудом выпутываясь из удерживавших ее ремней, – было здорово.

Он уже слышал подобное на своем веку, и неоднократно. «Спасибо, было здорово, увидимся как-нибудь», – на этом обычно все и заканчивалось. Ни одно из подобных мимолетных знакомств так ни разу и не переросло во что-то более серьезное, хотя, признался сам себе Дима, он никогда и не проявлял на сей счет какой-либо инициативы.

Анна легко выскользнула сквозь узкий дверной проем и пружинистой походкой зашагала прочь. «Нужно было хоть телефон попросить, что ли», – с запоздалой досадой подумал он, глядя вслед удаляющейся щуплой фигурке. Словно почувствовав его взгляд, девушка обернулась и махнула рукой.

– Ну как? – Егорыч, по-стариковски крикнув, подлез под крыло и вновь уложил перед колесами металлические колодки. – Обороты не плавают?

– Нет, все нормально, – заверил его Дима и спрыгнул из кабины на примятую траву. – Видать, и вправду в выпускной системе дело было. Теперь порядок.

– А потому что масло не надо хреновое лить, – назидательно воздел к небу перепачканный смазкой палец механик, – говорил я тебе: бери у меня, я же у надежных людей расходники заказываю. Доэкспериментируешься когда-нибудь...

Несмотря на то что владельцы самолетов регулярно приплачивали Егорычу за мелкий ремонт, торговля топливом и техническими жидкостями была еще одной скромной статьей его регулярного дохода. Впрочем, сам пожилой авиатехник жил в старом деревенском доме тут же, в Покровке, и до возрожденного из небытия аэродрома, ставшего ему и новым местом работы, и способом занять свободное время, которого после выхода на пенсию у Егорыча появилось в достатке, добирался пешком, не тратя на дорогу лишних средств. На жизнь, судя по всему, старику хватало.

– Добро, теперь буду покупать только у тебя, – безропотно согласился Дима. – Спиртом, кстати, никто из твоих надежных людей не барыжит?

– Только питьевым, – хохотнул Егорыч, – тебе такой в копеечку встанет. Но я разузнаю на всякий случай...

По полосе с утробным рычанием пробежал «Злин» и величаво взмыл в небо, сверкнув напоследок солнечным бликом на лакированном крыле. Дима проводил его взглядом: наверное, повез катать давешнего папашу или его сына либо ту молодую парочку с фотоаппаратом. Что ж, а его личная летная программа, судя по всему, на сегодня завершена. Нужно зачехлить самолет, зайти к Артему Валерьевичу за своей долей гонорара, расписаться в журнале... Заглянув в кабину, Дима потянулся к приборам, чтобы отключить бортовое питание, и на мгновение замер в растерянности.

Анна все-таки оставила ему свой телефон. На пассажирском сиденье одиноко лежала забытая девушкой старенькая потертая «Нокиа».

* * *

Многочасовые пробки – извечная проблема всех крупных современных городов. Архитекторы, проектировавшие в давние времена улицы и проспекты, попросту не рассчитывали

вали на то, что у обывателей когда-либо появится такое количество личного транспорта. К полудню трафик понемногу рассеивался, но с приближением вечера город снова замирал, а водители на перегруженных перекрестках часами оплывали от удушливого июльского зноя, ожидая возможности продолжить движение.

Дима посигналил нахальному «Ситроену», нетерпеливо перестроившемуся прямо перед ним из соседней полосы, и снова взглянул на часы. Он задерживался уже на пятнадцать минут, а опаздывать Дима не любил. До намеченной цели оставалось всего два поворота, затем нужно отыскать место для парковки среди толкающихся возле тротуара маршруток и таксистов, что тоже совсем не просто, а в час пик так и вовсе нереально. Черт, в следующий раз нужно выезжать загодя. Если он вообще будет, этот следующий раз.

Вырваться из стихийно образовавшегося затора удалось минут через десять. Свернув в переулок, Дима притормозил возле цветочного павильона, пристально вглядываясь в лица снующих по тротуару людей и толпящихся возле автобусной остановки прохожих. Девушка стояла под козырьком примыкавшего к автобусной остановке торгового центра, что-то высматривая в небольшом электронном планшете. Сегодня на ней был откровенный короткий топик, открывавший довольно привлекательный вид на плоский живот с блестящей жемчужиной пирсинга в пупке, а джинсы сменили легкомысленные светлые шортики. Высунувшись в окно, насколько позволял ремень безопасности, Дима окликнул ее. Анна подняла взгляд, улыбнулась и, спрятав планшет в сумочку, двинулась навстречу.

– Привет, – произнесла она, усаживаясь в машину.

– Извиняюсь за опоздание, – в тон ей ответил Дима, – на дорогах черт знает что творится. Предлагаю в качестве компенсации поужинать здесь неподалеку. Не против?

– С удовольствием, – легко согласилась девушка, и Дима с облегчением вздохнул.

Кафе «Кактус» – обычное заведение, практически ничем не отличающееся от сотен ему подобных. Впервые Дима оказался здесь случайно пару месяцев назад, просто заскочив после работы перекусить, да как-то незаметно для себя сделался постоянным посетителем. Бывают такие места, про которые сразу чувствуешь – твое. Какая-то особая тут атмосфера, располагающая, уютная. Заглянешь один раз и понимаешь, что хочется вернуться.

Они заняли столик возле окна, молоденькая приветливая официантка принесла меню в темно-бордовой коленкоровой обложке. Анна, смешно сморщив носик, с минуту вдумчиво изучала содержимое папки и наконец остановила свой выбор на венском салате, Дима заказал тушеные овощи в сметане и кофе.

– Твой телефон, – произнес он, протягивая девушке забытый аппарат.

– Ой, спасибо, – в голосе Анны послышалось явное смущение, – я такая растеряха, даже стыдно признаться. Представляешь, однажды поехала к родителям на пару недель погостить и оставила сумку с вещами в поезде. Вышла, спохватилась, а сумки нет... Потом искать пришлось, хорошо хоть проводники порядочные оказались, вернули.

– Родители у тебя где-то далеко живут?

– Не то чтобы далеко, но да, на трамвае не доедешь, – засмеялась она. – Отец – военный, раньше часто приходилось переезжать с места на место. Теперь вот вышел в отставку, получил положенное жилье, но не в столице, конечно. Впрочем, пенсионеру и в небольшом райцентре хорошо. А вот и наш заказ. Ты мороженое будешь? Я хочу мороженого!

Анна вела себя так непринужденно и беззаботно, словно они были знакомы уже тысячу лет, а не встретились впервые буквально накануне. Рядом с нею Дима чувствовал... Впрочем, он и сам еще не понял до конца, что именно чувствовал. Вернее, думать об этом сейчас ему совершенно не хотелось – он просто наслаждался моментом. Тем временем принесли кофе – официантка аккуратно поставила перед ним дымящуюся чашку с ароматным напитком.

– А в Покровку тебя каким ветром занесло?

– Ветром перемен, – рассмеялась девушка. – Работа у меня не то чтобы скучная, но однообразная. Иногда хочется немного развеяться, испытать новые ощущения, что ли.

– Никогда бы не поверил, что ты можешь заниматься тоскливой офисной работой.

– А я и не занимаюсь, – судя по интонациям, Анне не слишком хотелось развивать эту тему, – мой профиль... В общем, это можно назвать логистикой. Сопровождение грузов. Бизнес как бизнес, просто иногда начинает тянуть на приключения.

– И как часто ты их находишь?

– Чаще они меня. На самолете вот покаталась, давно мечтала. В страйкбол играла. Даже с парашютом прыгала.

– Что, серьезно?

– Ага. Не веришь? Сейчас покажу.

Анна вновь полезла в сумочку, выудила оттуда планшет, принялась сосредоточенно перелистывать что-то на экране, а потом, обнаружив искомое, протянула его через стол:

– Вот, смотри... Ой, черт!

Дима едва не подпрыгнул до потолка от боли и стиснул зубы, чтобы не выругаться. Стоявшая на столе чашка, выплеснув остатки кофейной гущи на кафель, звонко разлетелась множеством мелких осколков.

– Говорят, ничто не способно так взбодрить мужчину, как порция горячего кофе, вылитого прямо на штаны, – попытался пошутить он и, привстав, принялся отряхивать ладонями пропитавшую тонкую ткань обжигающую жидкость.

– Извини... – Анна едва сдерживала душивший ее смех, глядя на расплывающееся по его штанине широкое бурое пятно. – Ну, правда глупо получилось. Пойдем, я стираю. Только нужно быстро, пока не высохло.

– Да ладно, я как-нибудь...

– Блин, вот некоторые настырные мужики сами в гости напрашиваются, а этот еще и ломается, когда приглашают. Пойдем, говорю, я тут близко живу.

Что ж, обреченно подумал Дима, видимо, судьба все же прислушалась к его фантазиям, в которых он оказывался наедине с этой девушкой без штанов, правда, истолковала его тайное желание немного по-своему. Вот и давешняя официантка со шваброй и совочком подросла весьма кстати.

– Простите, можно счет? – обратился к ней Дима, поднимаясь с места. Анна уже убрала планшет в сумку и выжидательно смотрела на него. До мороженого дело так и не дошло.

* * *

Утро выдалось прохладным, солнце, только показавшись над скатами крыш, ослепительно било в глаза. Спустя несколько часов оно поднимется над горизонтом и вновь окатит город волнами удушливого южного зноя. Сняв машину с сигнализации, Дима посмотрел на часы: времени в обрез, но в этот час улицы еще пустынные, доедет с ветерком. Кондиционер он решил не включать, чуть приспустил вместо этого водительское стекло, поправил салонное зеркало. Встретился сам с собой взглядом, провел рукой по щеке. Не мешало бы побриться, только где найдешь бритву в восемь утра в чужом незнакомом доме? Будить Анну не хотелось, потому он ушел украдкой, тихо захлопнув за собой дверь с автоматическим замком, даже не позавтракал, чтобы лишний раз не греметь холодильником. Ладно, в буфете чем-нибудь перекусим. Брюки уже давно высохли, только вот погладить их тоже не помешало бы.

Провернув ключ в замке зажигания, Дима еще раз заглянул в зеркало. Н-да, морда небритая, к тому же заспанная, глаза после бессонной ночи опухшие. Главное, ментам по пути не попасться, подумают, что с похмелья. Пошарив в «бардачке», Дима нацепил сол-

нечные очки и осторожно вырулил из двора на широкий, обрамленный стройными рядами тополей проспект.

Доехать и вправду удалось быстро, да и место для парковки возле сверкающего тонированным стеклом офисного центра отыскалось без проблем. Приложив к турникету карточку электронного пропуска, Дима вошел в терпеливо поджидающий его лифт и даже нажал кнопку четвертого этажа, когда сквозь закрывающиеся двери в кабину ввалился запыхавшийся Славик.

– Еле догнал, – переводя дух, произнес он и протянул влажную от пота руку, – привет. Ты почту проверял вчера?

Почту Дима вчера не проверял, да и вообще выключил вечером телефон, чтобы никто не побеспокоил, – не до того было. Видимо, прочитав отразившиеся на его лице эмоции, Славик торопливо продолжил:

– Я писал тебе по электронке и эсэмэску посылал. Соловейко звонил.

– И что? – чувствуя, что назревает что-то неприятное, спросил Дима. Начальство просто так, без веского повода, никогда не позвонит, эту нехитрую истину, неоднократно подтвержденную практикой, он усвоил накрепко.

– Японцы на день раньше приехали, самолет из Москвы приземлился сегодня в семь. Так что график они решили перекроить полностью. Конференцию тоже перенесли.

– На когда?

– На сегодня. В три.

Дима крепко выругался сквозь зубы. Лифт, звякнув электронным колокольчиком, замер на этаже.

– Ты доклад-то подготовил? – поинтересовался Славик, взглянул искоса и сделался сразу каким-то жалким, как побитая собака. – А то ведь вляпаемся, Дим... Я Соловейке пообещал уже, сказал, что все давно сделано...

Доклад был в общих чертах готов, оставалось лишь нарисовать еще несколько слайдов для презентации, а это дело каких-то пары-тройки минут. Только вот лежал этот самый доклад на воткнутой в ноутбук флешке, дожидавшейся своего хозяина дома. Никто ведь не предполагал, что планы придется менять в такой спешке. А ведь придется.

– Слав, – Дима остановился посреди коридора, достал из кармана сотовый и мельком взглянул на мерцающий посреди экрана циферблат часов, – до трех мы успеем, конечно, только мне придется домой метнуться. Прикроешь меня? Скажи девчонкам, что я по поручению Соловейки за материалами поехал, пусть отметят там у себя. А я на проходной предупрежу, чтобы не искали.

Славик быстро-быстро закивал, и в его глазах загорелась робкая надежда, что все, может быть, обойдется. Ну, вот и отлично. Домой он долетит минут за двадцать, пока пробок нет. Как раз можно успеть чем-нибудь перекусить, привести себя в порядок да переодеться во что-то более приличное, дабы не ударить перед иностранными гостями в грязь небритым лицом. Хорошо еще, что у отца как раз сегодня номерок к кардиологу, на девять, кажется. Следовательно, к моменту Диминого внезапного появления тот уже отправится в поликлинику, благо, ходит он в силу преклонного возраста весьма неспешно. И не придется отвечать на неприятные вопросы по поводу проведенной невесты где ночи. Сложно порой бывает со стариками, так и не готовыми привыкнуть к тому, что их дети давным-давно выросли. Впрочем, Дима почувствовал легкий укол совести, можно было и позвонить накануне, чтобы отец не волновался: все-таки возраст, сердце... Совсем вылетело из головы, настолько бурно развивались события. Вспомнив обстоятельства прошлого вечера и последовавшей за ним ночи, Дима невольно улыбнулся.

Машина еще не успела толком нагреться на только набирающем силу солнцепеке, а вот другого транспорта на улицах уже заметно прибавилось: город понемногу проснулся

и загудел встревоженным ульем, знаменуя начало нового буднего дня. Привычный путь с работы домой занял чуть больше времени, чем рассчитывал Дима: сначала он долго плелся за чадящим автобусом, который, судя по всему, никуда не спешил, потом застрял в небольшом заторе на перекрестке с неработающим светофором. Зато в пыльном дворе, зажато меж старых панельных пятиэтажек, в одной из которых он обитал с самого детства, нашлось свободное место практически возле самого подъезда, в прохладную тень которого Дима и нырнул, заглушив двигатель.

Почтовые ящики на стене, заполненная рекламной макулатурой картонная коробка внизу, полумрак лампы дневного света, четыре узких лестничных пролета. Каждая ступенька близка и знакома до боли. Вверх по этим самым ступеням он мчался домой из школы, чтобы успеть к начинающемуся по телевизору долгожданному мультфильму, по ним же спешил во двор, сжимая в руках белый кожаный мяч, здесь сделал первый глоток терпкого крымского портвейна под дребезг расстроенной гитары, настороженно прислушиваясь, не щелкнет ли наверху предательски дверной замок. Последняя ступень, короткий коридор на три квартиры, ключи из кармана уже привычно перекачались в ладонь... И тут Дима замер.

Входная дверь квартиры чуть приоткрыта, вычерчивая косой золотистый квадрат на полу лестничной клетки. В падающем изнутри солнечном столбе лениво хороводят пылинки. Проглотив вставший в горле ком, Дима сделал осторожный шаг вперед, прислушался. Может, отец ненадолго вернулся, что-то забыв дома, паспорт, страховой полис или пенсионное удостоверение? Тишина, только где-то во дворе приглушенно лает собака и доносится издали звенящий детский смех. А может быть, он просто забыл запереть дверь? Возраст, конечно, берет свое, но отец всегда проверял замок, выходя из дома.

Предчувствуя неладное, Дима потянул ручку на себя, шагнул внутрь. Сквозняк толкнул легкую дверь, и замок тихо щелкнул за его спиной. Прихожая, зеркало, старый дисковый телефон на тумбочке у стены. Учатившийся пульс гулко ухает в висках. Осторожно, словно ступая по раскаленным углям, Дима миновал коридор, заглянул в комнату, отшатнулся, заметив краем глаза какое-то движение. Нет, всего лишь ветер треплет края занавески у распахнутого настежь окна. Стул с небрежно наброшенным на спинку старым отцовским пиджаком, укрытый скатертью стол, а вокруг...

Те, кто устроил в комнате обыск, по всей видимости, очень торопились. Дверцы шкафов и серванта раскрыты, содержимое вывернуто наизнанку, неровным слоем устилая паркет. Книги, белье, одежда и посуда небрежно раскиданы повсюду вперемешку с бумагой. Сотни листов из отцовского архива, развязанные или варварски разорванные картонные папки, веер черно-белых фотографий, будто карточная колода, брошенная поверх раскиданных в беспорядке документов. Рядом – скрученные рулоны ватмана, выцветшие от времени листы синей миллиметровки.

И размазанные темно-багровые пятна свежей крови на полу.

Да что же это такое...

В дверном замке заскрежетал ключ, выводя Диму из внезапного оцепенения. Тревога схлынула, но тут же вновь накатила холодной волной. Отец вернулся? Тогда чья это кровь на полу? Вот же, пиджак остался висеть на стуле... Мог он уйти без него? А если это не он, то кто?

Мысли бьются в голове, обгоняя друг друга. Отступив на шаг, Дима вновь очутился в полумраке коридора, решительно повернулся к дверям и тут же встретился глазами с замершим у входа незваным визитером.

– Ты?

Анна растерянно смотрела снизу вверх, явно не ожидая увидеть его здесь.

– Где отец? – Дима перешел на крик, попытался схватить девушку за плечи, но та, грубо оттолкнув его ладонями, заглянула в комнату. Остановилась на пороге, обводя представив-

шуюся ей неприглядную картину быстрым взглядом, метнулась в кухню и тут же вернулась назад.

– Вот черт... – чуть слышно прошептала она.

– Откуда у тебя ключ? – требовательно спросил Дима, преграждая ей путь.

– Сняла копию, пока ты спал. – Она решительно посмотрела ему в глаза. – Послушай, это не...

– Где отец? – Дима сделал шаг вперед и схватил ее за запястье. Та поморщилась от боли.

– Послушай...

– Что вообще происходит? Какого черта ты здесь делаешь? Отвечай!

– Ты... Да отпусти же, мне больно!

– Я вызываю полицию! – Дима чуть сбавил тон и свободной рукой принялся выуживать из нагрудного кармана телефон. Воспользовавшись этим коротким замешательством, Анна ловко вывернулась из его захвата и отступила в глубь комнаты, но Дима, внимательно наблюдая за ней, встал в дверном проеме, перекрыв единственный путь к отступлению.

– Полиция тебе не поможет, – продолжая пятиться назад, уже почти спокойно произнесла девушка. – Послушай, я все объясню...

– Ментам объяснишь, – мстительно заверил ее тот, набирая на экране короткий номер «112».

– Да остановись ты на секунду!

– Уже звоню.

– Ну и черт с тобой.

Запоздало сообразив, что она собирается сделать, Дима бросился следом, но не успел: секунда промедления, в течение которой он бросил взгляд на экран телефона, сыграла свою роковую роль. Анна ловко вскочила на подоконник, ухватившись за пластиковую раму, откинула в сторону занавеску, бросила короткий взгляд через плечо.

И шагнула вниз.

Второй этаж! Второй, мать его, этаж! Спустя короткое мгновение Дима тоже оказался возле открытого окна и высунулся наружу по пояс. Деревья, заросший густой нестриженной травой газон, узкая асфальтовая дорожка с припаркованными возле детской площадки машинами. Рыжий кот умывается, сидя на крышке канализационного люка. Неподвижного тела, которое он ожидал увидеть там, внизу, на земле, не было.

Только в воздухе чуть ниже окна медленно таяло колышущееся, полупрозрачное марево, похожее на дымку раскаленного воздуха над нагретым солнцем шоссе.

Глава 2

– Где-то я вас раньше видел.

– Не знаю. Я вас точно вижу впервые.

Сидевший за столом полный оперативник в гражданском недоверчиво хмыкнул, продолжая заполнять бумаги, а его молодой напарник в форме с капитанскими погонами продолжил неторопливый осмотр помещения. Вновь завибрировал телефон – встревоженный Славик пытался пробиться на линию вот уже в пятый по счету раз. Дима снова сбросил звонок.

– Так что, говорите, пропало?

– Часть отцовского архива, – вздохнув, повторил Дима. – Бумаги, связанные с конструкцией самолета, который он проектировал. Расчеты, документация, эскизы и чертежи.

– Что-нибудь еще?

– Вроде бы все на месте.

– Вы хорошо искали? Посмотрите еще раз. Золото, драгоценности, деньги. Прочие документы из архива ведь не украдены?

– Нет, остальные не тронули, – ответил Дима, опустил на корточки и принялся в сотый уже, наверное, раз перебирать разложенные в неравномерные стопки бумажные листы.

– Вы хорошо помните содержимое этих шкафов? Может, все-таки куда-то завалилось? Вы поймите нас правильно, мы вам верим, но...

– Часть бумаг отсутствует. Это совершенно точно.

Диме показалось, что полицейский за его спиной разочарованно вздохнул.

– Похищенное представляло какую-то особую ценность? За какую сумму эти ваши чертежи можно продать?

– Да никакой серьезной ценности они не представляли, – неохотно признался Дима, – в интернете подобного добра навалом. Двигатель разве что. Он... Модифицированный. Вот эти чертежи восстановить будет сложно. Но продать их, думаю, еще сложнее.

– Хорошо, – хлопнул ладонью по столу оперативник, – по квартирной краже мы у вас заявление примем. А по поводу пропажи человека... Придется подождать минимум сорок восемь часов. Может, сам вернется.

– А если не вернется? Мобильный телефон вне зоны доступа.

– Если через двое суток не появится, тогда и приходите в райотдел. Он ведь в поликлинику собирался? Я бы на вашем месте туда в первую очередь сходил, может, там его видели. В регистратуре поинтересуйтесь. В бюро госпитализации позвоните, вдруг его в больницу на «Скорой» увезли? Вы же говорили, у него сердце... Ну и мы по своей базе неопознанных посмотрим... Хотя у нас эта информация раз в сутки по утрам обновляется. Соседей мы опросили, бабулек во дворе – тоже, никто ничего не видел. Если бы вашего папу тут убивали, кто-нибудь да услышал бы. Это невозможно сделать бесшумно, поверьте.

– А кровь?

– Он у вас повышенным давлением случайно не страдал? А может, это воры ваши обо что-то порезались. Вы в любом случае не уходите пока куда, дождитесь следственную группу, пусть отпечатки снимут и образец крови возьмут. Почитайте вот заявление.

Дима подошел к столу, недоверчиво взглянул на листок, густо исписанный корявым и неразборчивым почерком.

– Давайте, может, я прочитаю? – участливо поинтересовался оперативник. – Значит, так. Я, Дмитрий Викторович Спицын... паспортные данные сами проверите потом... В рай-

оне девяти часов утра, возвращаясь домой, обнаружил открытой входную дверь моей квартиры, расположенной по адресу...

Дима почти не слушал бормотание полицейского. Если отец действительно ушел к врачу незадолго до вторжения злоумышленников, то он его, конечно, отыщет. А если нет? Если задержался или вернулся домой, забыв что-то важное – паспорт, пенсионное или очки? Тогда на полу вполне может быть его кровь: зная характер отца, Дима ни мгновения не сомневался, что тот без колебаний вступит в неравный бой, обнаружив в квартире воришек. А если так, куда он делся потом? Спрятать тело в помещении негде, незаметно вытащить из подъезда среди бела дня тоже практически невозможно. Кто-нибудь да увидит преступников либо услышит шум. Но, по словам полицейских, пробежавшихся по подъезду, никто не сообщил о чем-либо подозрительном. Хотя нужно, наверное, еще раз на всякий случай опросить соседей.

Или отец ушел сам? Может, получив по голове, потерял память либо временно помутился рассудком? Это, кстати, объясняет, почему осталась открытой дверь. Но ведь на ступенях следов крови нет. А может, преступники вывели его на улицу, посадили в машину... Хотя зачем? Вывезти в безлюдное место, чтобы убить, как лишнего свидетеля? Проще было сделать это прямо здесь и спокойно скрыться. Да и если им нужны были ценности либо деньги, не стали бы они ради этого убивать. Но деньги, его собственные небольшие сбережения и отцовская скромная пенсия, оказались на месте, Дима проверил. Пропали только чертежи. На кой они им? Или до ценностей они добраться попросту не успели, отец их вспугнул? Что-то не сходится. Да ничего в общем-то не сходится...

– Все правильно?

Оперативник с интересом и даже некоторым любопытством глядел на Диму, тот поежился под этим пристальным взглядом.

– А?.. Да, да, конечно.

– Тогда вот здесь напишите: «С моих слов записано верно», дату поставьте, фамилию и подпись.

Дима послушно оставил росчерк в нижней части листа.

– На этом все, ждите криминалистов. Всего доброго. Если что-то вспомните, звоните в отдел, моя фамилия Шаталов.

Полицейский грузно поднялся из-за стола, собрал бумаги в туго набитую документами кожаную папку, вжикнул молнией и, кивком позвав за собой напарника, вразвалочку направился к выходу.

Дима подошел к окну и уселся на подоконник. Теплый солнечный луч доверчиво лизнул его спину. Второй этаж. Больше пяти метров. Дима не верил в то, что девчонка обладает какими-то способностями киношного ниндзя, но ведь он сам видел, как она сиганула вниз. Сиганула и пропала. Полицейским про визит Анны он решил на всякий случай не рассказывать, они, похоже, и так отнеслись к его показаниям с легким недоверием... А она определенно как-то связана с нынешними событиями. Что он о ней знает? Да почти ничего. Даже фамилии. Адрес знает. Квартира съемная, она сама об этом вчера говорила, хотя заскочить туда определенно стоит. Правда, саму обительницу этой квартиры он скорее всего на месте уже не застанет, если она не круглая дура. Может, поговорить с хозяевами? А дадут ли они ему какую-то информацию? Телефон подружки из потерянной «Нокии», с помощью которой он вчера и отыскал Анну, записан в его мобильном, но по этому телефону он уже успел позвонить, убедившись в том, что абонент недоступен. Надо полагать, теперь уже навсегда. Что еще? Да все, пожалуй. У Артема Валентиновича может быть какая-то информация, он обязан заключать с каждым посетителем аэродрома договор, хотя чаще всего пренебрегает этой формальностью... В любом случае придется ехать на работу, чтобы оформить внеочередной отпуск. За один день это все не разгрести.

В кармане вновь затрясся телефон, словно подслушав его мысли и напоминая Диме о его профессиональных обязанностях. Да как же достал сегодня этот Славик! Отвечать совершенно не хотелось, но Дима все же потянул аппарат из кармана, борясь с искушением вышвырнуть трубку в окно. Однако он ошибся: номер на экране был ему неизвестен.

– Да?

– Я знаю, что у тебя украли, – чуть насмешливо прозвучал из динамика знакомый голос. – Документы от твоего «спиртовоза». Я угадала? Если хочешь, угадаю, где сейчас находится твой отец. С первой попытки. Если он еще жив, конечно.

– Чего ты хочешь? – борясь с кашлем во внезапно пересохшем горле, спросил Дима.

– Поговорить. Просто поговорить. Только спокойно и с глазу на глаз, без ментов. Это в твоих интересах.

– Я слушаю.

– Комсомольский парк, через полтора часа. На главной аллее у фонтана. Успеешь?

– Постараюсь.

– Посторонних с собой не тащи, иначе разговора не получится. Пока.

Телефон тихо щелкнул, обрывая звонок. Дима взглянул на часы. Если плюнуть на обещание дожидаться криминалистов, он будет на месте уже через сорок минут. Возможно, по дороге даже успеет встретиться со Славиком, чтобы передать ему злополучную флешку. Авось тот сумеет как-нибудь выкрутиться и без его помощи.

Комсомольский парк растянулся продолговатым зеленым пятном почти в самом сердце города, зажатый с севера и юга двумя оживленными проспектами, а с запада – сонным микрорайоном, сплошь застроенным еще довоенными двухэтажными особняками. В советское время парк играл роль своеобразного культурного центра, притягивая молодых мамаш с колясками и целые семьи с детьми постарше, гонявшими сизых голубей по посыпанным гравием аллеям на звонких велосипедах. Здесь крутились карусели, торговали с лотков мороженым, по темной глади соединенных протоками прудов скользили прокатные лодки и катамараны, а по выходным на небольшой летней эстраде играл оркестр. Сейчас парк зарос и опустел, о прошлом напоминали лишь засыпанные мусором поломанные скамейки, сиротливо ютившиеся по обочинам никем не подметаемых дорожек, да проржавевшие столбы с разбитыми фонарями. Пруды затаились ряской и обмелели, а широкие лужайки облюбовали местные собаководы, да и те старались подобру-поздорову убраться отсюда с наступлением темноты.

На центральной аллее было безлюдно: Диме встретился лишь седовласый пенсионер в вытянутых на коленях тренировочных штанах, чуть прихрамывая, убегающий куда-то от инфаркта, да молодой мужчина с бутылкой пива, примостившийся на чудом уцелевшей лавочке, вокруг которой с жизнерадостным лаем носился ярким рыжим пятном кудлатый спаниель. Фонтан тоже пришел в запустение: бетонная чаша пересохла и растрескалась, сделавшись хранилищем пустых бутылок, мятых сигаретных пачек и прошлогодних листьев. Дима остановился перед ней на мгновение, оглянулся по сторонам, но никого не увидел.

– Пойдем!

Анна появилась внезапно, подхватила его под руку и повлекла вдоль по аллее. Прижалась к его плечу, несколько раз нервно оглянувшись. Со стороны они, наверное, походили на обычную влюбленную парочку, однако Дима буквально чувствовал кожей, какое чудовищное напряжение исходит сейчас от нее. Она была похожа на сжатую тугую пружину, готовую распрямиться, выстрелить в любое мгновение.

– Ты можешь объяснить мне, что происходит?

– Объясню. Позже.

Голос предательски звенит, Анна целенаправленно влечет его куда-то в глубь парка, прижимаясь горячим плечом к его руке. Значит, у нее есть какой-то план? Или она просто боится?

Затянутый тиной пруд, выцветшая лодка лежит на берегу килем кверху, словно выброшенный прибоем на сушу кит, сквозь дыру в борту тянет навстречу солнцу хилые ветви тонкое деревце. Чуть дальше – низенький забор, облупленная и ржавая будка билетной кассы, позади которой притаилась в кустах уже вросшая в землю карусель и высится замершее полвека назад колесо обозрения.

Анна наконец отпустила его руку, легко перемахнула ограду и, ухватившись за перила висевшей возле самой земли кабинки чертова колеса, забралась внутрь. Кабинка качнулась, жалобно скрипнув ржавой осью. Девушка выпрямилась во весь свой невеликий рост, еще раз оглядела окрестности и, убедившись в отсутствии поблизости посторонних, опустилась на облупленную скамейку кабинки. Достала из сумочки яблоко, аппетитно хрустнула и уставилась на своего спутника наигранно-наивным и чуть удивленным взглядом, в котором будто бы читался немой вопрос: ну и зачем мы сюда пришли?

– Я жду, – напомнил Дима, глядя на нее снизу вверх.

– Дфя фафа... – произнесла она с набитым ртом, остановилась, проглотила пережеванный кусок яблока и повторила заново: – Для начала давай договоримся, что я не имею к произошедшему никакого отношения.

– Не договоримся. Имеешь. Ты подделала ключи, проникла в квартиру в мое отсутствие. Специально подстроила?

– Ну да, – пожала плечами Анна, словно удивляясь: а что в этом, собственно, такого? Да, влезла в чужой дом, попалась, с кем не бывает...

– Каким образом, кстати?

– Вычислила тебя в социальных сетях. Это несложно. Ты удивишься, если узнаешь, сколько личной информации оставляет о себе человек в интернете. Причем, заметь, оставляет добровольно.

– Что дальше?

– А дальше ты знаешь. Нечаянно забытый мобильный телефон, романтическая встреча в кафе, удачно пролитый кофе... Ключи. С ключами – да, пришлось повозиться. Но я справилась. О том, когда никого не будет дома, ты проболтался сам. Зайти в квартиру, как ты понимаешь, не представляло никакой сложности.

– Зачем?

– А вот это самый главный вопрос! – потрясла в воздухе надкусанным яблоком Анна. – Чертежи. Мне нужны были те самые чертежи твоего «спиртовоза». Я даже забирать их не планировала, хотела осторожно переснять и навсегда исчезнуть из твоей жизни. Но кто-то меня опередил. Кто-то добрался до архива раньше. Я так думаю, вместе с бумагами этот кто-то решил прихватить и твоего отца. Живой конструктор плюс документы – лучше, чем просто документы.

– Послушай, ты несешь какой-то бред. – Диме начало казаться, что он напрасно теряет время. – Этот чертов самолет был построен больше двадцати лет назад, и все это время он никому не был нужен. Ни-ко-му, понимаешь?

– Теперь понадобился. И за него обещают неплохие деньги.

– Так купили бы его вместе с документацией! Я думаю, папа с радостью согласился бы его продать!

– Мы обращались к Виктору Павловичу с таким предложением, – вздохнула Анна, – очень выгодным предложением! Те, другие, думаю, тоже обращались. Твой отец категорически отказался. А время поджимало. Поэтому заказчик вынужден был изменить тактику.

– Тогда почему вы не приобрели чертежи другой такой же машины? Предложений сколько угодно!

– Потому что ваш – единственный самолет в стране, способный летать на спирту. Работающий, полностью исправный экземпляр, к тому же с уникальными характеристиками. Для заказчика это определяющий фактор.

Теперь Дмитрий уж точно ничего не понимал.

– Чушь. Кому в здравом уме внезапно понадобился древний, довольно примитивный самодельный летательный аппарат, использующий дорогое, дефицитное, ужасно непрактичное горючее? И главное, зачем?

– Ведь не поверишь, если скажу, – усмехнулась Анна и с хрустом откусила от яблока. – Впрочем, смотри.

Девушка поднялась на ноги, встала на бортик качнувшейся с протяжным скрипом кабинки, ухватившись за удерживавшую ее металлическую штангу рукой, взвесила в свободной ладони огрызок. Замерла на мгновение, прикрыв глаза, и спрыгнула на землю, одновременно метнув недоеденное яблоко прямо в лицо наблюдавшему за этими странными манипуляциями Димы. Тот инстинктивно отшатнулся, однако выпущенный Анной снаряд до своей цели так и не долетел. Просто исчез в воздухе, растворился в сгустившейся на миг над землей бледной полупрозрачной дымке.

– Как ты это сделала? – растерянно спросил он, разглядывая место, куда должно было, по его расчетам, упасть яблоко. Чуть примятая трава, несколько сухих листьев, смятый фантик от шоколадной конфеты. Земля как земля.

– Инстинктивно, – хохотнула Анна и вновь взяла Диму под руку, – пойдем, представление окончено. А я ведь действительно несколько лет назад хотела научиться прыгать с парашютом. Приехала на аэродром, заплатила денег, прошла короткий инструктаж, потом нас загрузили в старый «кукурузник» и подняли в небо. Ты сам когда-нибудь прыгал? Ну вот, тогда знаешь, как это бывает. Ветер в лицо, сердце колотится, адреналин кипит, чистые эмоции, аж кричать хочется! Когда купол раскрылся, я даже глаза закрыла от восторга. А когда открыла, увидела внизу вместо зеленой травки джамп-сайта какую-то убогую бурую пустыню.

– В смысле?

– В прямом. Ни аэродрома, ни самолета, вообще ни черта. Пустыня, песок и скалы. И солнце, сволочь, жарит как духовка.

– И что это было?

– Другой мир, Дима, – подняла на него взгляд девушка, – один из многих, но единственный, куда мы можем попасть с Земли.

– Мы?

– Проводники. Так нас называют. Нас таких немного, примерно один на десять тысяч. Причем способности у всех разные, да и открыть проход у каждого проводника получается при несхожих обстоятельствах.

– Например, каких?

– Ну, одному, скажем, нужно напиться в стельку. Другому – чтобы стукнули побольнее. Третий должен обязательно зайти в темное помещение...

– Ну а ты – спрыгнуть с самолета, – закончил за нее Дима.

– Не обязательно с самолета, но ход мыслей верный, – кивнула Анна. – Впервые такая способность проявляется спонтанно, и далеко не всегда опыт удастся повторить. Нужно в точности воспроизвести все обстоятельства, при которых удалось открыть самый первый портал. Но если получилось во второй раз, будет получаться и дальше.

– Как же ты назад-то вернулась? – с недоверием посмотрел на нее Дима.

– Залезла на скалу осмотреться. Сорвалась. Ну и... Второй раз при падении даже руку сломала. Меня искали, нешуточный переполох поднялся. Сказала, что ветром снесло. Парашют, конечно, там остался...

– Похоже на какую-то дурацкую сказку, – покачал головой Дима. – Знаешь, я слышал в жизни всякое, но...

– Могу тебя туда провести, – с вызовом посмотрела на него девушка, – увидишь все собственными глазами.

– Предлагаешь сигануть с тобой за компанию с крыши?

– Не смешно. Ну, так что, согласен?

– Не раньше, чем ты объяснишь мне, при чем тут чертежи и самолет.

– Все проблемы из-за нефти, – вздохнула девушка, – впрочем, как и у нас. Около сотни лет назад в Центруме, так называется тот самый мир, произошла глобальная катастрофа. Никто ничего не знает о ее причинах, но нефти там с тех самых пор не стало. Пластмасса и синтетика у них тоже долго не живут, максимум через сутки пластик превращается в мерзкую сопливую кашу. Соответственно, техника там используется только самая примитивная, на уровне начала прошлого века.

– Постой, там, значит, люди живут?

– И люди, и не только... Обитаемых миров во вселенной множество, но они никак не пересекаются друг с другом, зато все имеют выход в Центрум.

Анна опустила на корточки, подобрала валявшуюся на дороге ветку и начертила на гравии примитивный рисунок – так дети обычно изображают на своих картинах солнышко.

– Вот эти лучи – параллельные вселенные, – терпеливо пояснила она, затем ткнула веткой в середину, – а вот это – Центрум. Здесь сходятся все пути. Мы не можем самостоятельно проникнуть в другой мир, только в центральный, а жители тех, других «лучей» не могут прийти в наш. Без местного проводника, конечно.

Девушка выпрямилась, отбросила прочь уже ставшую ненужной ветку и, отряхнув ладони, продолжила:

– Мы, ну, то есть такие, как я, иногда таскаем туда-сюда разные полезные грузы...

– Логистика? – припомнив давешний разговор в кафе, с сарказмом поинтересовался Дима.

– Ага, она самая. Ты даже не представляешь, какие бешеные деньжищи там платят за всякую ерунду, которую тут можно взять за копейки в любом ларьке. А теперь вообрази, насколько ценным может оказаться работающий на спирту авиационный двигатель в мире, где нет нефти и бензина. Особенно с такими характеристиками, как ваш! В общем, три недели назад нам заказали добыть чертежи этого вашего самолета. Только, видимо, не одним нам... Либо заинтересованных сторон оказалось чуть больше, чем я думала.

Все это звучало настолько нелепо, что Дима даже почти поверил в только что услышанную историю. По крайней мере выстроенная Анной логическая цепочка доходчиво объясняла, кому и зачем могли понадобиться злосчастные украденные документы. А также проливала свет на способ, с помощью которого ей удалось скрыться через окно второго этажа и не поломать при этом ног. Хотя червячок сомнения все же продолжал шевелиться в Диминном сознании.

– Что ты предлагаешь? – спросил он.

– Если твой отец еще жив, его следует искать там, в Центруме. Я помогу тебе туда попасть. А ты поможешь мне.

– Каким образом?

– Ты можешь восстановить чертежи?

Дима на мгновение задумался, а потом покачал головой:

– Чертежи планера воспроизвести не трудно, ты права, это и вправду почти «Стоул». А вот с двигателем сложнее. Отец трудился над ним много лет, переделывал разные узлы неоднократно. И тщательно документировал каждую модификацию. Полностью восстановить все бумаги сможет только он сам.

– Тогда остается единственный вариант: перегнать в Центрум самолет целиком, – решительно сказала Анна. – Заказчик выплатит тебе компенсацию, денег хватит, чтобы купить новый. Согласен?

– А ты сможешь открыть настолько большой проход? – с сомнением в голосе поинтересовался Дима.

– Портал, – машинально поправила его девушка. – Я не смогу. Но есть человек, который сможет.

* * *

Угнать самолет – не столь уж и сложная задача, особенно если этот самолет твой собственный. По большому счету, для полета по кругу над аэродромом не требовалось получать каких-либо разрешений или подавать флайт-план, а именно такой полет фактически и собирался сегодня выполнить Дима. Он совершенно не представлял себе, каким образом будет осуществлен переход из нашего мира в другой, если он вообще состоится, но Анна заверила, что это не должно его заботить вовсе. Следует просто сосредоточиться на пилотировании и делать все как обычно.

Вернувшись накануне домой, Дима почувствовал, что все сильнее и сильнее сомневается в правдивости услышанной от Анны истории. Какой-то Центрум, проводники, порталы... Чушь собачья. Девчонка, очевидно, играет в какую-то свою игру, цели которой пока еще совершенно не ясны. Дима даже начал собираться в дорогу, но потом решительно бросил эту затею – и без того ясно, что никаких параллельных миров не существует, а предполагаемый полет закончится там же, где и начнется, – на сельском аэродроме Покровка. Полетают, приземлятся, и он потребует объяснений от назначенного Анной «проводника». Потом придется все-таки заскочить на работу, написать заявление на отпуск. И начинать розыски отца – в поликлинике он так и не появлялся, в чем Дима убедился тем же вечером, а его мобильный телефон по-прежнему не отвечал. Впрочем, обзвон моргов и больниц тоже не принес никаких результатов, что вселяло некоторую надежду.

Утро выдалось прохладным и безветренным, в воздухе еще не развеялся влажный запах мокрой от предраассветной росы травы. Диме всегда нравилось это время – первые несколько часов после восхода солнца, когда природа словно замирает в ожидании нового дня, стряхивая с себя остатки сна. В такие минуты хорошо стоять возле открытого окна с чашкой горячего чая в руке, любясь безмолвной зеленой листвой. Или подниматься в небо, касаясь крылом редких пушистых облаков.

Черная «Тойота» с примечательным номером «444», как и обещала Анна, ждала во дворе. Водитель, представившийся Стасом, оказался мрачноватым и неразговорчивым типом. Молча пожал протянутую руку, включил навигатор и прибавил громкости радиоприемнику, явно давая понять, что к беседам он не расположен.

Дороги в этот ранний час были еще практически пустыми, поэтому «Тойота» спустя уже десяток минут выскочила из города и покатила по шоссе. В полях и низинах кое-где лежал клочковатый туман, мелькавшие за окнами загородные дома казались пустынными и вымершими. Свернув с трассы сразу после поворота на Покровку, машина запрыгала по колдобинам проселочной дороги и наконец замерла возле ржавого шлагбаума, перегораживавшего въезд на аэродром.

Дима опасался столкнуться здесь с кем-нибудь из знакомых совершенно напрасно: в такую рань на аэродроме никого не было, только лохматый Батон, виляя хвостом, выбежал из своей будки в надежде получить от неожиданных гостей чего-нибудь вкусного. Стас открыл багажник и извлек оттуда две заполненные под горлышко пластиковые канистры – спирт был прозрачным и, судя по всему, качественным, без добавления «синьки», которую часто доливали в технический этанол борцы с любителями пить все, что горит.

Укрывавший самолет брезентовый чехол еще не высох от росы. Дима быстро запра-вил машину, обошел вокруг, проверяя, все ли в порядке, забрался в кабину и помог своему немногословному спутнику разобраться с ремнями. Включил рацию, на всякий случай послушал эфир, но в нем царил полная тишина. Несколько раз нажал на подпружиненную кнопку ручного насоса, подкачав немного топлива в двигатель, и крутанул стартер.

– Ты на поле самолет сможешь посадить? – перекрикивая рев мотора, нарушил наконец молчание Стас.

– Если площадка ровная, то без проблем, – заверил его Дима.

Взревев двигателем, самолет покатился по стоянке в направлении взлетной полосы. Дима повертел головой, вглядываясь в залитое лазурью небо: сюда, бывало, долетали «частники» с расположенного в полусотне километров аэродрома Лукарёво, при этом пилоты далеко не всегда утруждали себя сообщением по радио о прибытии.

Ни души. Выполнив короткий разворот возле торца взлетки, Дима поднял обороты на максимум и отпустил тормоза. Колеса весело застучали по бетонным плитам, миг – и земля, качнувшись, поплыла вниз, понемногу замедляя свой стремительный бег.

– Что дальше? – спросил Дима, закладывая пологий вираж с набором высоты.

Парень сидел, нервно вцепившись в сиденье правого кресла, на побледневшем лбу выступили крупные капли пота. Черт возьми, да он же боится летать!

– Можешь какую-нибудь фигуру выполнить? – нарушил наконец молчание Стас. Эти слова дались ему с явным трудом, настолько скованной, напряженной казалась его сгорбившаяся фигура. Пожав плечами, Дима синхронным движением ручки управления и педалей создал небольшой крен, вводя машину в разворот, а затем убавил тягу двигателя и направил капот машины к земле. Парень в правом кресле издал короткий булькающий звук и сдавленно застонал. Желудок подпрыгнул к самому горлу, в животе образовалась тянущая пустота. Навалилась перегрузка. Пыль, до этого прятавшаяся в щелях пола, поднялась к потолку кабины и затанцевала в воздухе. «Нужно будет влажную уборку сделать», – отметил про себя Дима, поглядывая на стремительно уменьшающиеся показания высотомера.

И тут самолет тряхнуло. До этого спокойная атмосфера словно сошла с ума: машину подхватил мощный порыв ветра, потянул в сторону, мигнула и погасла сигнальная лампа предельной перегрузки. Закрепленная над приборной панелью полусфера магнитного компаса, именуемого в простонародье «бычий глаз», ожила: картушка с градуированной шкалой начала медленно вращаться вокруг своей оси, словно кто-то приделал к ней электрический моторчик. Диме с трудом удалось погасить растущий крен, выровняв самолет на высоте около полусотни метров над высившейся посреди степи пологой сопкой, сплошь поросшей чахлым кустарником.

Сопкой? Окрестности Покровки – плоские как стол, тут нет и не может быть никаких возвышенностей! Прибавив обороты и переведя машину в устойчивый горизонтальный полет, Дима наконец осмотрелся.

Серая лента шоссе, только что тянувшаяся сквозь колхозные поля под правым крылом, куда-то исчезла. Исчезла и узкая речушка, петлявшая у самой околицы деревни, как, впрочем, и сама деревня. Внизу развернулась безжизненная холмистая степь, а далеко впереди, почти у самого горизонта, темнел горный кряж. Дима бросил взгляд на своего пассажира: впервые с момента их короткого знакомства тот улыбался.

– Туда рули, – указал он рукой направление, ориентируясь по каким-то одному ему ведомым приметам – компас тут не работает, спутников тоже нет.

Дима послушно сменил курс. Холмистая пустошь, укрытая пятнами бедной растительности, выглядела неоднородной: в почве тут и там виднелись провалы, часть которых напоминала неглубокие овраги, часть – давно заброшенные карьерные выработки с осыпавшимися каменистыми склонами, за которые цеплялись сухими корнями чахлые деревца. Под крылом проплыли развалины масштабного сооружения, похожего не то на бывший ангар, не то на полуразрушенный заводской цех, сквозь провалившуюся крышу тянулись ввысь циклопические бетонные опоры, точно выбеленные ветрами и слегка обглоданные ребра поверженного великана. А вдалеке, меж холмами, сверкнул и погас яркий солнечный блик. Река? Нет, это узкая, тонкая стальная нить, разрезающая надвое унылый грязно-бурый пейзаж. Железная дорога!

– Мы на месте, – снова подал голос Стас, – посмотри налево.

Небольшое здание из красного кирпича, огороженное высоким забором, пара похожих на сараи построек поменьше, вышка, смахивающая на пожарную каланчу. На флагштоке вяло болтается неразличимое отсюда в деталях светлое полотнище. То, что болтается, а не полощется на ветру, – это хорошо, меньше проблем на посадке. Недалеко от ворот вроде бы просматривается относительно ровная площадка с твердым грунтом, на которую вполне можно попробовать уместиться.

Приземлить самолет в незнакомом и не подготовленном для этого месте – задача непростая, хоть и выполнимая. Диме пару раз доводилось сажать машину буквально «перед собой», когда отказывал двигатель из-за некачественного или разбавленного топлива. Сейчас мотор работает ровно, так что можно не торопиться. Он плавно уменьшил обороты до трех тысяч, контролируя при этом показания высотомера, затем привычным движением рычага выпустил закрылки. Прямо перед площадкой обнаружилась небольшая кочка, которая будет мешать посадке, так что угол глиссады придется выдерживать побольше, а выравниваться из-за этого предстоит чуть раньше, чтобы скомпенсировать высокую вертикальную скорость. Что ж, попробуем.

Вновь взревел двигатель, винт слился в сверкающий диск, и машину ощутимо потянуло вверх. Дима качнул ручку управления в сторону, рассчитывая выполнить широкий круг перед окончательным заходом. Стас завожился в правом кресле, вновь вцепился в сиденье, аж костяшки пальцев побелели. Ничего, потерпит.

Из здания меж тем стали выбегать люди в камуфляже, привлеченные шумом кружащего над их обиталищем самолета. Трое мужчин, все вооружены. Худошавой девичьей фигурки нигде не видно, хотя Анна и обещала встретить его на месте. Возможно, ждет в здании или куда-то отлучилась ненадолго. Как бы то ни было, разглядывать высыпавшую из ворот делегацию было уже некогда: земля стремительно приближалась.

Обороты, закрылки, скорость. Тон поющего свою протяжную песню мотора чуть изменился, стало слышно, как снаружи упруго свистит ветер, обтекая фюзеляж. Бурая поляна с клочками жухлой травы замелькала под крылом: Дима потянул ручку управления на себя, создавая посадочное положение, и тут же ощутил спиной мощный гулкий удар – колеса коснулись земли. Поверхность только сверху казалась ровной: самолет весело подпрыгнул на одной кочке, потом на другой, снова попытался взмыть в небо, однако пилот уже убрал газ до малого и осторожно нажал на тормоза. Теперь главное не переборщить, иначе шасси заблокируются, и машину непредсказуемо занесет. Прокатившись почти до самой границы пустыря, обозначенной густыми зарослями колючего кустарника, Дима развернул самолет по направлению к воротам и выключил мотор. Троица в камуфляжных куртках, поднимая тяжелыми подошвами башмаков целое облако пыли, уже торопливо бежала к ним навстречу.

– А где Анна? – спросил Дима, обернувшись к своему провожатому. Стас непристойно срифмовал слово «где», расстегнул непослушный замок привязного ремня и не терпящим возражений тоном распорядился:

– Вылезай, приехали.

Группа встречающих разделилась: двое остановились в десятке шагов, направив на вновь прибывших стволы автоматических карабинов, третий приблизился почти вплотную и замер, заложив руки за спину. Был он невысок ростом и уже не молод, смуглая обветренная кожа ярко контрастировала с белоснежной сединой волос и пушистыми, густыми, седыми же бакенбардами, делавшими их обладателя похожим на забавного мультяшного льва. Пожалуй, он выглядел бы смешно и даже комично, если бы не острые, колючие глаза, изучавшие сейчас Диму с отстраненным интересом и даже скрытой иронией.

– Меня зовут Всевед, – представился носитель роскошных бакенбардов, – добро пожаловать на тринадцатую заставу пограничного корпуса территории Клондал.

Голос у него тоже был мягкий, обволакивающий, тягучий, как патока. Говорил старик с каким-то легким акцентом, но Дима, как ни старался, не смог с ходу придумать четкую характеристику этому нюансу произношения.

– Я...

– А вы – нарушитель пунктов восемнадцать точка три и двадцать два точка один всеобщего таможенного уложения Центрума. То есть преступник. Будьте добры, покажите запястье правой руки.

Дима замялся в полной растерянности. Пограничный корпус? Застава? Клондал? Куда он, черт возьми, попал?

– Делай что говорят, – пробасил у него за спиной Стас. Дима неохотно закатал рукав. Видимо, удовлетворившись результатами осмотра, старик кивнул.

– Я вынужден вас задержать, – бархатисто и ласково протянул он, словно не сообщал об аресте, а предлагал дорогому гостю выпить чаю с конфетами, – надеюсь, это ненадолго.

Глава 3

Окна здесь были узкими, как бойницы, и потому пропускали слишком мало света. Собственно, порой им и приходилось выполнять именно такую функцию, о чем красноречиво свидетельствовали многочисленные небрежно замазанные известью выбоины на кирпичном фасаде заставы. Сейчас за стеклом и вовсе клубилась серая мгла: над пустошью бушевала песчаная буря, по словам пограничников – явление в этих широтах нередкое.

– Клорион валдарринг дол саурлен...

– Ден саурли, – поправил Диму Всевед, – это прошедшее время.

Сурганский, с его чудовищным количеством времен и артиклей, давался Диме с трудом в отличие от клондальского, откладывавшегося в памяти на удивление легко. Даже несмотря на то, что в первые дни после прохода Вратами у любого человека обостряются способности к обучению и запоминанию, в чем его клятвенно заверил начальник заставы. Грех не воспользоваться такой замечательной возможностью.

– Давай заново, – сварливо произнес старик и протянул Диме раскрытую почти посередине книгу.

– Клорион валдарринг...

Самолет пограничники не без труда закатали в дальний сарай, который Всевед почему-то называл амбаром, – поместился он туда впритык, пришлось даже временно снять ворота. Затем Димины биографические данные занесли в толстый журнал, заставили заполнить анкету на трех листах и подписать бумагу о том, что он ознакомился с таможенным уложением и впредь обязуется свято его чтить.

Первая неприятность случилась с Димой уже спустя пару часов пребывания в чужом мире – стоило ему усесться на стул, как в наступившей тишине раздался неприятный треск, и джинсы, которые он надел еще на Земле, выходя из дома, буквально расплозлись по швам. Краткое исследование показало, что скреплявшая куски ткани нить была, по всей видимости, синтетической – она рвалась от малейшего прикосновения и рассыпалась в черный порошок, напоминающий толченый графит. Аналогичная участь постигла и пуговицы на рубашке: пластмасса стала вязкой, как пластилин, текла и пачкала руки. Вторая неприятность тоже не заставила себя долго ждать: стоило Диме подняться на ноги, как он ощутил, что шагает по холодному полу босиком: отклеившиеся подметки ботинок остались лежать на полу, причем, скукожившись и искривившись, они приняли такую причудливую форму, что вернуть их в исходное состояние, наверное, не взялся бы даже профессиональный сапожник. Всевед, бормоча себе под нос невнятные ругательства, порылся в подсобке и вручил ему бесформенные штаны темно-серого цвета. Ткань оказалась грубой, с жесткими и неудобными швами с внутренней стороны, а сами штаны сантиметров на десять короче, чем нужно. Зато ботинки из грубой кожи с подкованным деревянным каблуком пришлись впору, правда, издавали при ходьбе такое громкое цоканье, что со стороны казалось, будто по комнате скачет как минимум небольшой табун лошадей. Подходящей рубашки в хозяйстве у старика не нашлось, однако хлопчатобумажная ткань, даже утратив все до единой застёжки, рассыпаться в прах покамест вроде бы не собиралась. Получив пригоршню разномастных металлических пуговиц, иглу и нить, Дима принялся портняжничать.

Можно смело сказать, что ему повезло: попытка переправить целый летательный аппарат в Центрум расценивалась по местным законам как экспорт запрещенных технологий, то есть преступление высшей степени тяжести. На жаргоне контрабандистов это называлось неприглядным термином «тухляк», и будучи пойманными на подобном они вполне могли поплатиться за свой проступок жизнью. Как говорится, без суда и следствия: безымянных могил на просторах высушенных солнцем пустошей Клондала хватало. Диму спасло лишь

то, что контрабандисты решили использовать его втемную, не предупредив о возможных последствиях, а сам он никакого преступного умысла не имел. Ему даже не пришлось убеждать в этом Всеведа: по словам начальника заставы, пограничники давно следили за этой группой, в которую помимо Анны и внедренного агента Стаса входили еще несколько человек. Правда, раньше они запрещенными к ввозу в Центрум технологиями не интересовались вовсе, предпочитая зарабатывать по мелочам. Собственно, именно поэтому до поры до времени пограничники и закрывали глаза на их активную деятельность. Дима даже подозревал, что не безвозмездно. А вот то обстоятельство, что кто-то сумел опередить эту команду и забрать из квартиры чертежи, прихватив с собой заодно и их создателя, очень сильно расстроило и разозлило старика.

– Сурган, – неохотно начал тогда свой рассказ Всевед, – это такое государство на востоке отсюда. Индустриально развитое и с большими амбициями. Есть у меня стойкое подозрение, что твоя подруга-контрабандистка планировала переправить чертежи именно туда. Хорошо, что нам удалось сорвать эту сделку. Плохо, что кому-то повезло больше, чем ей. Если бумаги или сам конструктор попадут через границу туда, быть беде.

– Почему?

– Грядет война, – вздохнул начальник заставы, – большая война, парень. Сурганцы сейчас активно скупают технологии по всем мирам, не только у нас. Правда, не все им продают. А время играет против них. Если тамошним инженерам удастся в сжатые сроки построить по готовым лекалам мощный и легкий авиационный двигатель, топливо для которого не разлагается в Центруме, баланс сил заметно изменится. Сурган получит подавляющее преимущество, такое, что и представить сложно. Это будет мощь, которую противникам не сломить.

– Причем вы всеми силами желаете этого не допустить, – закончил за него Дима.

– А для чего мы тут, по-твоему, сидим? – хохотнул старик. – Если все начнут свободно шастать с полными рюкзаками барахла туда и обратно, порядка не жди. Недоглядишь – и к нам домой такое притащат, Хиросима с Чернобылем безобидными вечеринками покажутся.

Всевед посерьезнел, немного помолчал и добавил:

– Без нормальной авиации сурганцам в грядущей заварушке ой как несладко придется. Она им нужна, причем позарез. Вот и крутятся, как умеют...

По всему выходило, что Диме на какое-то время лучше остаться здесь. Всевед предложил ему ровным счетом два варианта на выбор: убраться на Землю прямо сейчас, чему он с нескрываемой радостью был готов поспособствовать, или же присоединиться к пограничному корпусу, написав заявление о приеме на службу. Правда, для этого кандидатуру должны были утвердить в штабе после всех проверок и формальностей, что, по словам старшего пограничника, обычно занимает некоторое время. Корпус, если верить старику, постоянно испытывал дефицит толковых кадров, только принимали на службу далеко не всех.

Возвращаться не имело никакого смысла: раз уж в деле замешаны иные миры, в существовании одного из которых Дима только что убедился на собственной шкуре, полиция ему вряд ли поможет, да и дорога обратно в Центрум будет для него закрыта навсегда. Значит, начинать поиски нужно здесь. В то, что к похищению отца пограничники никоим боком не причастны, он поверил даже быстрее, чем в сам факт возможности путешествий из одной вселенной в другую: этим парням уж точно было бы выгоднее прикончить старика на месте, чтобы не множить проблем. Даже если бумаги не доберутся до покупателя, отец без труда восстановит чертежи или построит еще один образец двигателя. Как с досадой заметил Всевед, теперь им самим предстоит приложить усилия, чтобы разыскать изобретателя во что бы то ни стало. На Земле или в Центруме. Живого или мертвого. Дима надеялся, что все-таки живого. Больше всего во всей этой истории он беспокоился о здоровье отца – большое стариковское сердце могло и не выдержать подобных приключений. Нет, лучше не думать об этом.

Иными словами, альтернатив хитроглазый пограничник ему вроде бы и не оставил. Вздыхнув, Дима попросил перо и бумагу. «Молодец, – одобрительно хлопнул его по плечу Всевед, – походишь пока в рекрутах, да и ребятам к тебе присмотреться надо. Все одно потом характеристику писать. В общем, осваивайся помаленьку». На чем, бишь, он там остановился? Клорион валдарринг...

Хлопнула дверь, и в помещение шагнул Стас в сопровождении второго пограничника, представившегося Диме по местной традиции кличкой Стылый. Давний знакомец поставил в угол карабин, снял и встряхнул куртку, избавляясь от забившегося под воротник мелкого песка. Стылый тут же протопал подкованными подошвами в общую гостиную, завожился возле стоявшего у стены буфета. Звякнуло стекло, забулькало.

– Ни хрена, – подвел итог их короткому походу Стас. – Паровозники говорят, не было таких пассажиров.

– И по другим заставам ничего, – шумно отдуваясь и занюхивая выпитое рукавом, добавил Стылый. – Может, в Штаб телеграфировать?

– Это успеется, – ответил Всевед. Порылся в ящике стола, достал оттуда свернутый в трубку бумажный лист, раскатал перед собой, прижав по углам чернильницей и пустым стаканом. На свет явилась испещренная множеством мелких значков и линий карта. – Значится, так, – склонился над столом старик, – мы находимся вот тут. Из нашего мира, из местности, откуда исчез отец этого молодого человека, попасть можно только сюда, в пустоши возле границы с Цадом...

Всевед обвел на карте пальцем небольшой круг.

– Отсюда похитители могли переправить его поездом вот сюда, в Антарию, или сюда, в Гранц. Однако железнодорожники утверждают, что в последние дни никого, похожего по описанию, туда не возили. Выводы?

– Я бы на их месте потащил его кратчайшим путем в Цад, – мельком взглянув на карту, произнес Стылый. – Граница тут проходит через пустошь, так что, считай, и нету ее, той границы. Если их ждали... Ну, например, вот здесь... По прямой получается меньше дня ходу. Дорог там нет, лишних свидетелей – тоже. И паровозникам платить не придется.

– Значит, там и нужно искать, – резюмировал Стас.

Всевед бережно свернул карту, убрал ее обратно в стол и обвел присутствующих внимательным колючим взглядом.

– Ну что, друзья-голубчики, придется вам вдвоем скататься в Лирмор. Стас, будешь за старшего, а мы с Рыбаком, как только он вернется, тут на хозяйстве останемся.

– А я? – подал голос Дима.

– Хрен от муравья, – в тон ему ответил давешний попутчик. – Мы со Стылым вдвоем справимся, на кой ляд еще и тебя багажом везти? Опыта никакого, языков не знаешь, Врата открыть не в состоянии.

– Там может быть мой отец, – упрямо мотнул головой Дмитрий. – И я хочу его найти.

– Стас дело говорит, – вступился за своего соратника Стылый, – только мешаться будешь.

– Всевед, ну объясните вы им! – умоляюще посмотрел на начальника заставы Дима. Тот ответил ему ехидным взглядом.

– А и вправду, мальчики, возьмите паренька прогуляться, – елеинным голосом произнес старик и улыбнулся одними уголками губ, – заодно и опыта наберется, глядишь, толк какой с него выйдет.

Стас бросил на Диму испепеляющий взгляд, но промолчал.

– Пристрелят – сам будешь виноват, – обнадеживающе сообщил ему Стылый и дружески хлопнул по плечу. – Пойдем, подберем тебе кой-чего из снаряги.

Песчаная буря улеглась столь же быстро, как и началась несколько часов назад. Белое солнце, словно приколоченное к зениту, жарило так, что с Димы ручьем лил пот, да и провожатые, видимо, в отместку за проявленную инициативу, нагрузили его рюкзаками, как выюнную лошадь. Воздух казался ужасно сухим и драл глотку, что твой наждак, пристегнутая к поясу фляжка уже опустела наполовину, но Дима решил во что бы то ни стало терпеть жажду, чтобы сэкономить воду.

Знаменитые пустоши Клондала полностью оправдывали свое название – вокруг было именно что пустынно, тоскливо и неудобно. Каменистая, с шелестом осыпающаяся под грубой подошвой почва, низкий колючий кустарник, чахлые кособокие деревца, из последних сил цепляющиеся за свою никчемную жизнь. Трава здесь почти не росла, только в тени камней местами стелилась какая-то узколистая, похожая на лишайник поросль, при виде которой на ум Диме приходило кривобокое слово «ягель». Кое-где бурая глина перемежалась серыми каменистыми выступами да осыпями красноватого песчаника, напоминавшего издавна куски застывшей лавы. Наверное, именно так должен был выглядеть типичный марсианский пейзаж в представлении литераторов конца девятнадцатого века.

Хуже всего было то, что ландшафт то нырял в пологую низину, то резко забирал вверх: ноги на подъеме вязли в перемешанном с глиной песке, точно в болоте, сбивали дыхание, выжимая вместе с потом остатки сил. Широкополая панاما цвета хаки, прикрывавшая глаза от обжигающих солнечных лучей, уже давно стала мокрой. Дима, стиснув зубы, терпел.

– Если поднажмем, до заката будем на месте, – бросил ему Стылый, взбираясь по сыпучему склону очередного холма. Стас, очутившийся наверху чуть раньше, внезапно замер на месте, предостерегающе подняв руку, Дима от неожиданности едва не налетел на его коренастую спину. Пограничник вскинул карабин, прикинул к оптическому прицелу, чуть поводит стволом из стороны в сторону. Стылый, последовавший было его примеру, хмыкнул, опустил оружие и вдруг протянул его Диме. Показал заскорузлым пальцем направление.

Сначала в непривычном для глаза окуляре он не различил ничего. Те же камни, песок, приземистый кустарник. Потом меж двух округлых валунов ему почудилось какое-то движение, и он наконец разглядел в прицеле... нечто.

Большая собака или гиена. Шерсть серая, с бурой подпалиной, почти сливающаяся по цвету с окружающим пейзажем. Нет, все-таки для собаки движения какие-то странные: встревоженно застывая, существо опускалось на четвереньки, но как только решало вприпрыжку перебежать на другое место среди камней, все же принимало почти вертикальное положение. Сначала Дима разглядел длинный подвижный хвост, а потом существо оглянулось, прежде чем окончательно сгнуться в близлежащем овраге. Мордочка у него была живая, почти разумная, обезьянья.

– Мартыш, – прокомментировал Стылый, – живут тут такие в горах. В долину, правда, спускаются редко.

– Идемте, не на что там смотреть, – мрачно поторопил их Стас, закинув карабин за спину.

Хуже всего в длительных походах ничего не знать о конечной цели путешествия. Солнце уже клонилось к западу, когда Стас, взобравшись на вершину очередной гряды, снял с плеча и опустил на землю оружие и рюкзак. Обессиленный Дима буквально повалился рядом и лишь спустя минуту, оглядевшись, увидел в сотне шагов впереди причину привала: опираясь на невысокую насыпь, равнину пересекало железнодорожное полотно, по всей видимости, то самое, которое он заметил с воздуха еще накануне утром.

– На, глотни. – Стылый заботливо протянул ему фляжку, из которой явственно тянуло чем-то крепким и высокоградусным. Дима с благодарностью кивнул, отхлебнул, поморщившись, – сил на лишние слова уже почти не осталось. Как и у любого городского жителя,

непривычного к долгой ходьбе, у него предательски ныли ноги. Дима привалился к рюкзаку, вытянув натруженные ступни в надежде, что боль наконец стихнет.

Вспомнилась Анна. Славная девчонка, даже отцовские бумаги хотела не украсть, а скопировать. Интересно, где она сейчас? Всевед вроде бы говорил, что из одной географической точки Земли можно попасть лишь в строго ограниченное пространство на территории Центрума. Наверное, ждет до сих пор в условленном месте, даже не подозревая, что ее товарищ-проводник, которому она доверяла, работает на пограничную стражу. Стоп, а ведь это означает, что пограничники прекрасно осведомлены о точке randеву, где самолет ждали контрабандисты. Не туда ли отправился накануне вечером, прихватив двухдневный запас еды и автомат Калашникова, четвертый обитатель заставы по кличке Рыбак? От этой мысли Диме стало по-настоящему неудобно.

– Ты это, – прервал его невеселые рассуждения Стылый, – когда поезд подойдет, последний раз не высывайся. И на всякий случай молчи.

– Почему? – устало поинтересовался Дима.

– Железная дорога – единственный доступный массовый транспорт в Центруме, – принялся объяснять пограничник. – Не станет железных дорог, и тут же замрут все грузоперевозки. А экономика тут и так на ладан дышит. Поэтому паровозники считают себя такой отдельной кастой. Элитой, блин. Так что договориться с ними непросто.

– Но можно?

– А то. Они, парень, тоже жрать иногда хотят и деньги страсть как любят. Ну и с пограничной стражей у них вроде как негласный уговор... Ладно, отдыхай пока.

О приближении поезда их предупредил показавшийся над горизонтом дымок, сизо-красноватый в лучах заходящего солнца. Дима поднялся на ноги, вспугнув юркую серебристую ящерицу, ртутной каплей скользнувшую меж камней, но, повинувшись жесту Стылого, вновь уселся на землю. Стас тем временем спустился к насыпи, встал в нескольких метрах от железнодорожного полотна и поднял вверх руку.

Поезд словно сошел с телевизионного экрана, на котором крутили вестерн из жизни Дикого Запада. Небольшой круглобокий паровоз, натужно пыхтя, тащил за собой груженный углем тендер, за которым тянулась вереница одноосных товарных вагонов. Приблизившись к замершей возле насыпи фигуре, паровоз удивленно присвистнул, выпустил из-под колес облачка белесого пара и заскрежетал тормозами, останавливаясь. Сначала из узкого окна паровозной кабины высунулся облупленный ствол винтовки, затем показалась чумазая, перепачканная сажей голова в черном картузе. Стас что-то сказал машинисту, выслушал ответ, затем закатал рукав и повернул руку так, чтобы ее было видно из оконного проема. Машинист высунулся оттуда по плечи, поплевал на палец, зачем-то поскреб запястье Стаса грязным ногтем, и только после этого винтовочный ствол убрался внутрь.

– Что это за ерунда? – поинтересовался Дима, кивнув в сторону насыпи. – Какая-то местная традиция?

Вместо ответа Стылый задрал собственный рукав – на смуглой коже запястья отчетливо виднелась небольшая татуировка в виде черного круга не то с крестиком, не то с буквой «Х» внутри.

– Что-то типа опознавательного знака пограничника, – пояснил он, – вывести нельзя, подделать, конечно, можно, но фальшивку опытный человек распознает запросто. А в камуфляжных штанах тут кто угодно разгуливать может.

Дима вспомнил, что у Анны тоже имелась похожая татуировка – правда, круг на ее руке был почему-то заштрихован. Что это – специальный знак, по которому опознают друг друга контрабандисты? Спрашивать он все-таки не решился. Тем временем Стас, видимо, договорившись и расплатившись с железнодорожником, подал им сигнал рукой.

Вагон, в который определил их начальник состава, оказался почтовым – прямо по его центру от торца до торца тянулась длинная деревянная скамья, а вдоль стен громоздились тяжелые металлические стеллажи с отсеками, доверху заполненными стопками писем и горами перевязанных бечевой посылок. Над потолком вагона высилась остекленная башенка-надстройка, видимо, специально предназначенная для того, чтобы сортирующему корреспонденцию почтальону доставалось больше света. Под ней болтался массивный масляный фонарь. Пахло сургучом, мазутом и горящим углем – этот домашний, теплый запах напомнил Диме детство, школьные каникулы, которые он проводил в деревне у бабушки. Кипящий на столе самовар распространял в точности такой же терпкий смоляной запах.

Издав протяжный свисток, поезд лязгнул металлическими сочленениями и тронулся в путь, неторопливо ускоряя бег. Стас завожился в полумраке, расстегнул куртку и повалился на скамью, положив под голову рюкзак. Стылый затеплил фонарь, и вокруг него в сгущающихся сумерках тут же начала виться мелкая мошкара, бессильно пытаясь пробиться к пламени масляного фитиля сквозь закопченное стекло. Дима тоже прилег на теплую доску скамейки, прикрыл глаза и сам не заметил, как задремал под убаюкивающее покачивание вагона и ритмичный перестук колес.

Утро началось с несильного, но весьма болезненного удара тяжелым башмаком по еще не переставшей ныть после вчерашнего марш-броска ноге. Грубоватый голос Стаса произнес:

– Вставай, летун. Прибываем.

Дима с трудом разлепил глаза. Сквозь скудное остекление башенки лился неяркий утренний свет, а сам вагон по-прежнему катился куда-то, гроыхая на стыках рельс. Тело затекло после долгого лежания на неудобной жесткой скамье, тянуло в пояснице. Дима тяжело поднялся на ноги, прошелся вдоль забитых почтой стеллажей туда-сюда, замер в нерешительности.

– Ты чего? – спросил Стылый, с аппетитом уплетая извлеченный из рюкзака сухой кукурузный хлеб.

– Отлить бы...

– Там, в торце, дверь над сцепкой, – кивнул головой он. – Не свались только.

Дверь поддавалась легко, в лицо ударила упругая струя свежего прохладного воздуха, казавшегося влажным и по-особенному чистым после застоявшейся атмосферы вагона. Поезд прогрохотал по ажурному мосту, перекинутому через широкую желто-зеленую мутную реку, затем вдоль железнодорожного полотна потянулись однообразные приземистые крыши складов и пакгаузов. В отличие от пустынного Клондала здесь в изобилии росли деревья – невысокие, но широколистные, с толстыми, узловатыми стволами.

– Ты чего застрял там? – окликнул его Стылый. – Давай пожри маленько чего бог послал.

Бог послал несколько кусков сухого хлеба и запечатанный в фольгированную банку куриный паштет явно земного происхождения. Нехитрый завтрак Дима проглотил с удовольствием, благо желудок уже недвусмысленно подавал сигналы бедствия. Меж тем поезд, зашипев и заскрипев тормозами, явно сбавил ход и наконец остановился вовсе, лязгнув на прощание сцепными механизмами.

– Не отставай, – скомандовал Стас, накидывая на плечи рюкзак, – по сторонам глазеть потом будешь.

Поглядеть было на что. На первый взгляд вокзал казался вполне обыкновенным, непримечательным вокзалом небольшого провинциального города – в глаза бросалось лишь отсутствие тянувшихся над рельсами электрических проводов да высокие горы угля, наваленные на огороженной деревянным забором площадке за платформами. Потом Дима заметил несколько нависающих над путями изогнутых металлических труб, напоминающих гигант-

ский водопроводный кран. Под одним из таких кранов как раз стоял паровоз: на узкой площадке, расположенной по периметру цилиндрического корпуса локомотива, хозяйничал голый по пояс человек. Второй железнодорожник по его команде принялся качать торчащий из основания трубы тугой рычаг – и в открытый сверху технический люк паровоза полилась тугая струя воды. По перрону сновали люди, бородатый мужик в грязном сером фартуке размеренно шаркал метлой вдалеке, несколько угрюмых грузчиков в спецовках прикатили откуда-то грохочущую тележку и принялись выгружать из соседнего вагона переложенные соломой фанерные ящики. Окружающий мир жил своей собственной, обыденной повседневной жизнью.

Украшенное колоннадой здание вокзала выходило на круглую площадь с пыльным газоном в центре, от которой в разные стороны разбегались мощенные булыжником улицы, застроенные каменными двух- и трехэтажными домами. Пахло дымом, пригорелым маслом и лошадиным навозом.

Лирмор был первым настоящим внеземным городом, который Диме довелось увидеть собственными глазами, потому он вертел головой по сторонам с видом туриста, впервые попавшего из деревенского захолустья в людный мегаполис. На первый взгляд столица Цада его не впечатлила: окружающий пейзаж вполне мог соответствовать какому-нибудь небольшому европейскому городку среднего достатка. Невысокие усадьбы, перемежающиеся заросшими зеленью палисадниками, узкие и извилистые улочки, раскрытые навстречу солнцу ставни, белье, сохнущее на натянутых поперек дворов веревах. Первые этажи зданий занимали многочисленные лавки и трактиры: на выставленных прямо в аркообразных окнах деревянных полках Дима разглядел фрукты, глиняную и стеклянную посуду, различную снедь. Один раз навстречу прогрохотала запряженная парой лошадей крытая повозка, заставив Диму и его спутников вжаться в стену, затем их обогнал одинокий всадник, а в одном из переулков обнаружилась странная конструкция в виде телеги с водруженной на нее огромной бочкой, на боку которой причудливым наростом выделялся архаичный механизм, судя по всему – ручная помпа.

– Это что? – толкнул Стылого в бок Дима и кивнул в сторону непонятного транспортного средства. – Местная пожарная машина?

– Водовозка, – нехотя отозвался тот, – централизованного водопровода тут нет. Жители покупают воду, кто сколько может, и ее вот этим насосом закачивают в резервуар на крыше. Там она нагревается на солнце и поступает по трубам в здание. Канализацию тут, кстати, тоже еще не придумали, так что, если увидишь где такую же бочку, только коричневого цвета, затыкай на всякий случай нос.

Правилами дорожного движения тут тоже, похоже, пренебрегали: пешеходы неторопливо пересекали улицы в любых направлениях – и поперек, и наискосок, а некоторые из них и вовсе шли по своим делам прямо посередине дороги, что казалось Диме совершенно непривычным. Одевались здешние обитатели вполне по-земному, правда, Дима обратил внимание на то и дело попадавшихся ему навстречу коротко остриженных мужчин в бесформенных светлых балахонах, отдаленно напоминавших древнеримские тоги из школьных учебников истории. Мода, что ли, тут такая?

Миновав привокзальный квартал, они очутились в центральных районах Лирмора. Большинство домов здесь подросло на пару этажей, а концентрация лавок и забегаловок на квадратный метр жилой площади увеличилась многократно. Стали попадаться и уличные торговцы, продававшие свой нехитрый товар – зелень, рыбу и лепешки – прямо с распряженных возков.

Центральная часть города карабкалась вверх по склонам пологого холма, на вершине которого высились сложенные из желтого камня бастионы древней крепости – округлые башни, увенчанные островерхими шпилями, меж которыми тянулись широкие зубчатые

стены. Твердыня доминировала над окружающим пространством, царила над ним, подавляя стороннего наблюдателя своей величественной красотой. Сначала Диме показалось, что крепость эта полуразрушена и необитаема, однако вскоре он сумел разглядеть меж каменными зубцами крошечные человеческие фигурки и даже выступающие из бойниц кургузые стволы крупнокалиберных орудий.

– Керонская цитадель, – проследив за его взглядом, тоном заправского экскурсовода пояснил Стылый, – построена еще до Катаклизма. Сейчас там расквартирован местный гарнизон, а королевская семья переехала в отдельную резиденцию.

Выходит, Цад – королевство. Что ж, ничего необычного в этом нет, благо, действующих монархий хватает и на Земле. Дима поймал себя на мысли, что ему начинает здесь нравиться – по сравнению с унылым и пустынным Клондалом Лирмор казался чуть ли не приятным курортным городком.

Оставив позади еще одну площадь, в центре которой громоздился потемневший от времени конный памятник, они свернули на широкий, утопающий в зелени бульвар. Стас нырнул в гостеприимно распахнутые двери очередного трактира, Дима и Стылый последовали за ним.

Здесь царил прохладный полумрак, из глубины помещения лилась приятная тихая музыка. Когда глаза немного привыкли к освещению, Дима отыскал взглядом источник звука – на невысоком столике возле барной стойки был установлен самый настоящий граммофон, оснащенный архаичной ручкой для заводки механизма и полированной медной трубой. Вращающаяся на шпинделе пластинка показалась ему непривычно толстой, а из блестящего раструба доносились звуки легкой танцевальной мелодии, напоминающей старый фокстрот.

В зале, заставленном деревянными столиками и скамьями, посетителей почти не было – только в дальнем углу сидел, ссутулившись, какой-то неприятный лохматый тип, сжимая в руке полупустую кружку с мутным желтоватым пойлом. Вместо того чтобы занять свободное место, Стас уверенной походкой направился прямо к нему. При приближении пограничников сутулый поднял взгляд, и Дима понял, что первое впечатление его ничуть не обмануло: помимо неопрятной внешности одинокий посетитель трактира оказался обладателем выдающихся вперед крупных желтоватых зубов, а водянистые глаза смотрели одновременно в разные стороны. Стас уселся за столик прямо напротив, Стылый, опустившись на скамью рядом, прислонил карабин к столешнице и жестом подозвал к себе пробежавшего мимо мальчишку с полотенцем на плече.

– Вина себе закажи, – повернулся он к Диме, – пиво тут полное говно, а вот красное лирморское тебе понравится. Мы оплатим.

– Не откажусь, – охотно согласился тот, – и пожрать еще чего-нибудь не помешало бы.

Стылый что-то сказал мальчишке на незнакомом языке, и тот стремительно исчез где-то в глубине зала.

– Ну? – требовательно обратился к косоглазому Стас.

– Вчера, после полудня, на соборной площади, – ответил он, глядя одновременно на обоих пограничников, – трое, по виду агенты королевской охраны или вояки. И старик. Похоже, раненный.

Голос у него тоже оказался неприятным: высоким и дребезжащим, точно старый трамвайный звонок. Внезапно Дима с удивлением осознал, что косоглазый говорит на клондальском, однако его слова были абсолютно понятны без всякого переводчика. Неужто Всевед не обманул, и после прохода Вратами стало возможным освоить чужой незнакомый язык, просто пару раз прочитав разговорник? Невероятно.

– Опиши старика, – не терпящим возражений тоном приказал Стас.

– Ну, такой... – косоглазый неопределенно пошевелил пальцами, – среднего роста, плотного телосложения, но не толстый. Волосы седые, не длинные, вот посюда примерно.

Одет обычно: рубашка светлая, штаны темные. Только я сразу понял, что не наш он, не здешний. И шел с трудом: те трое его буквально под руки волокли.

Стас вопросительно посмотрел на Диму, тот пожал плечами:

– В общем, похоже, только под это описание кто угодно подойдет, если подумать. Да хоть ваш командир.

Пограничник вновь повернулся к ссутулившемуся напротив него типу:

– Куда они его повели?

– В здание городской торговой палаты. Это на пересечении...

– Я знаю, где это. Обрато никто из них не выходил?

Косоглазый покачал головой.

– До сих пор нет. Я там двух мальчишек-зеленщиков оставил, если кто и выйдет, я буду знать. А они проследят.

Стас покопался в кармане и выложил на стол пару крупных, по виду серебряных монет. Косоглазый уставился на них, словно видел такое сокровище впервые в жизни.

– Проваливай. И продолжай наблюдение. Вечером встретимся, доложишь.

Информатор сгреб монеты в горсть, шевельнул кадыком и, торопливо спрятав деньги за пазуху, нервно зыркнул по сторонам сначала одним глазом, потом другим, точно растрепанная тощая ворона. Суетливо поднялся на ноги и засеменял к выходу, поминутно оглядываясь. Стас чуть наклонил брошенную им на столе недопитую кружку, брезгливо понюхал содержимое, сморщился и выплеснул остатки прямо на пол.

Тем временем мальчишка притащил поднос с дымящимися горшочками, наполненными вареными овощами, и в комплект к ним – большое блюдо, на котором горкой была высыпана обжаренная в масле рыбешка. Звякнула посуда, и рядом с закуской на столе появилась необычного вида граненая бутылка с высоким узким горлышком. Стылый тут же звонко выдернул пробку и плеснул в стаканы немного густого рубинового напитка.

– Что думаешь? – отхлебнув изрядный глоток, обратился он к своему напарнику. Тот помолчал, повертел стакан в руках, вино внутри заиграло темно-алыми волнами.

– Вечером туда наведаться не мешало бы, посмотреть, что к чему.

– А охрана? Там же народу небось тьма, шум поднимем.

– Сегодня хадрум.

– Ах, черт, точно, пятница же, – хлопнул себя по лбу Стылый и, перехватив Димин непонимающий взгляд, пояснил: – У них тут, в Центруме, своя религия. Первый Кузнец, Небесная Мать, Восемь Грехов и Восемь Добродетелей, в общем, всякая такая заумная хрень. В разных государствах чуть-чуть по-разному, но в целом везде примерно одно и то же. А Лирмор – что-то вроде главной столицы у местных священников, типа этого, как его...

– Ватикана?

– Да, точно! Короче, пятница у них здесь считается священным днем и называется хадрум. С заходом солнца местные дружно молятся, а потом пьют вино, жрут, танцуют, поют и веселятся до самого утра.

Дима усмехнулся: похоже, некоторые традиции этого мира благополучно перекочевали и в наш, правда, далеко не все его обитатели, наверное, об этом догадываются.

– В общем, у нас есть неплохой шанс проникнуть в эту их торговую шарашку и остаться незамеченными, – подвел итог Стылый. – Это если повезет. Если не повезет, прикинемся пьяными и скажем, что заблудились, пока искали сортир. Ты вино попробуй, виноградники тут лучшие во всем Центруме.

Дима пригубил из стакана. Красное лирморское и впрямь оказалось отменным: терпким, ароматным и чуть сладковатым на вкус.

* * *

Закаты в Цаде стремительные, лишённые привычных землянам долгих романтических сумерек. Кажется, еще пару минут назад солнце висело в небе ярким золотистым пятном, и вот уже над восточным горизонтом высыпали первые звезды, тогда как западная часть небосклона все еще теплится призрачным голубовато-зеленым светом. Фонарщики, вооруженные короткими стремянками, принялись зажигать на улицах Лирмора неяркие масляные фонари, а из многочисленных заведений все громче и громче раздавалась музыка и веселые голоса подгулявших граждан, пытающихся перекричать трескотню притаившихся в траве цикад.

Дима всмотрелся в быстро темнеющее небо. Звезды здесь были в точности такие же, как и на Земле, а вот луны он разглядеть не сумел: то ли ночное светило еще не успело подняться над крепостным холмом, то ли ее и не было тут вовсе.

* * *

Косоглазый обитал под небольшим навесом, устроенным прямо на обочине дороги у подножия крепостного холма – вокруг на деревянных рейках были развешены разнокалиберные подметки, куски кожи, металлические подковки, на полках пониже Дима разглядел расставленные в беспорядке банки с гвоздями, кривыми иглами и клубками вымазанной дегтем нити. Сейчас при свете масляной лампы сапожник звонко приколачивал молотком каблук к изрядно потрепанному рыжему башмаку. При приближении пограничников он вытащил изо рта несколько гвоздей, которые до этого сжимал между зубами, торопливо спрятал их в нагрудный карман засаленного фартука и уставился на визитеров одним своим водянистым глазом. Второй при этом был устремлен куда-то в звездное небо.

– Ну? – спросил Стас.

– Все трое по-прежнему там, – суетливо обтерев руки о штанины, ответил башмачник, – один высунулся было, мальчишки его до Нижнего рынка проводили. Купил жратвы, вина и вернулся.

– Хадрум, – понимающе хмыкнул Стылый.

– Давно? – деловито уточнил Стас.

– Часа три назад. Колокольня на Соборной площади как раз предзакатную отзвонила.

– Стылый, двигай за мной. Ты, – Стас ткнул в Диминову грудь пальцем, украшенным грязным ногтем, – останешься здесь.

– Пусть лучше позади топает, – возразил Стылый, – потеряется еще или в блудняк какой впишется по незнанию, ищи да вытаскивай его потом...

– Хрен с тобой, – с явной неохотой согласился Стас. – Держись за спинами, вперед не лезь, слушай команды. Все ясно? Тогда пошли.

Навес сапожника располагался почти на самом углу скудно освещенной улочки, выходящей на мощенную булыжником площадь, поэтому отсюда открывался прекрасный вид на все прилегающие здания. Одну часть площади занимал собор с узкими стрельчатыми окнами и высокой колокольней, в честь которого она, по всей видимости, и обрела свое название. За стеной собора чернел за решетчатой оградой утонувший в темноте парк. Прямо напротив культового сооружения – приземистая прямоугольная постройка с классическим портиком, галерея которого представляла собою вытянутую вдоль фасада колоннаду. Это здание, по всей видимости, и было избрано Диминовыми спутниками в качестве цели.

Если честно, Дима не был уверен в том, что им удастся обнаружить здесь отца. Может быть, какие-нибудь следы или частички информации, которые помогут в дальнейших поис-

ках. Им просто сказочно повезет, если получится раздобыть хоть что-то. Вместе с тем его спутники действовали настолько целеустремленно и уверенно, что сам Дима ощущал какое-то необыкновенное спокойствие. Наверное, они знают, что делают. Все происходящее с ним сейчас воспринималось как какой-то удивительный сон. Ранняя ночь, звездное небо над головой, стрекот цикад, теплый ветер доносит из церковного парка нездешние ароматы трав и цветов. В воздухе не чувствуется решительно никакой угрозы.

– Там торгоши, а не вояки, – словно прочитав его мысли, успокоил Диму Стылый, – так что не бзди. Сигнал скорее всего ложный, но на всякий разный случай проверить не помещает...

– Заткнитесь там оба! – вполголоса приструнил их Стас. Легко взбежал вверх по ступеням, подергал массивные двери, ухватившись за резные бронзовые ручки, – закрыто. Дима привычно огляделся по сторонам, пытаясь определить, не попал ли тот случайно в поле зрения камер видеонаблюдения, но тут же вспомнил, что никаких камер здесь, конечно же, быть не может.

Спустившись со ступеней колоннады, Стас завернул за угол и зашагал вдоль торцевого фасада, внимательно поглядывая по сторонам. Остановился возле одного из выходивших в тенистый переулок окон, осторожно потянул раму на себя, и та с едва различимым скрипом поддалась. Ухватился руками за подоконник, подтянулся, перебросил внутрь ноги и почти беззвучно исчез в оконном проеме. Стылый на всякий случай проверил карабин и, закинув его за спину, чтобы не мешал, нырнул в раскрытое окно следом.

Лезть в незнакомое неосвещенное помещение было страшновато, но оставаться одному на ночной улице в незнакомом городе и абсолютно чужом мире было страшно вдвойне. Справившись с минутным замешательством, Дима последовал за своими спутниками, опасаясь, что они уйдут куда-нибудь в глубь здания, и он не сумеет их догнать. Ухватился за гнутую жезл водоотлива, неумело подтянулся, больно оцарапал ногу об острый металлический край. Черт, еще заляпать тут все кровью не хватало.

Пустынный темный кабинет, пахнет ветхой бумагой и пылью. Остекленные шкафы, заставленные не то древними фолиантами, не то папками с бумагами, в полумраке и не разберешь. Письменный стол, массивные часы-башня в углу гулко отстукивают секунды. Пограницы уже открыли дверь в темный коридор, Стылый подает знаки рукой, приглашая следовать за собой.

В коридоре – длинном и мрачном – Стас замирает, прислушивается. На плечи давит густая, вязкая тишина, только где-то вдалеке, кажется, звучат приглушенные голоса. Стас осторожно и беззвучно движется вперед, Стылый, поудобнее перехватив оружие, – за ним. Дима старается ступать осторожно, чтобы не отставать и не выдать случайным звуком своего присутствия. Неприятно ходить по пустынному зданию в полной темноте, слух напряженно ловит каждый шорох, затылок буравит ощущение чьего-то невидимого взгляда. На всякий случай Дима несколько раз оборачивается. Нет, показалось. Никого.

Коридор упирается в узкую каменную лестницу, ведущую на второй этаж. Звуки, кажется, доносились оттуда, но сейчас все стихло. На всякий случай заглянув вниз и не обнаружив там ничего подозрительного, Стас начинает подниматься по лестнице, осторожно наступая на каждую ступеньку, словно испытывая ее на прочность. Стылый неотступной тенью крадется следом. Пролет, другой, и лестница упирается в круглую площадку, огороженную невысокими перилами. Тусклые блики падают наискосок от оставшегося позади витражного окна. Сюда выходят три двери, две из них закрыты, а вот третья, центральная, поддается усилию легко. Сначала Стас, потом Стылый входят внутрь. Тишина. Дима тоже собирается шагнуть за порог, как вдруг в лицо ему бьет яркая вспышка света.

– Стоять! Оружие на пол!

Стрелять простив яркого освещения, слепящего привыкшие к темноте глаза, практически невозможно, но Стас все-таки вскидывает карабин.

– Не дури, граница! – слышится резкий окрик, одновременно с которым распахиваются боковые двери, и Диму подталкивают чем-то круглым и твердым в спину. Теперь, проморгавшись, он все-таки может более или менее разглядеть окружающую обстановку.

Человек пятнадцать, не меньше, все облачены в зелено-желтую мешковатую одежду, напоминающую подобранные не по размеру больничные пижамы, – чуть приглядевшись, Дима пришел к выводу, что это все-таки своеобразного покроя военная форма. Все вооружены старомодными винтовками с примкнутыми штыками, причем стволы направлены в сторону сгрудившейся возле входа троицы. Командует парадом высокий крепыш, с виду безоружный, однако к поясу его, удерживаемому перекинутой через плечо кожаной портупеей, пристегнута массивная черная кобура. Позади толпы громоздится большой круглый прожектор с выпуклой линзой и зеркальным рефлектором, судя по всему, работающий на газовом топливе – именно он ослепил Диму в первые секунды, да так, что кожа до сих пор ощущает исходящий от его луча жар.

Видимо, прикинув количество направленных на них стволов, часть из которых смотрела им меж лопаток, Стас и Стылый неохотно опустили оружие.

– Вот и славно, – удовлетворенно кивнул крепыш в портупее и вдруг обернулся к Диме, – я крайне благодарен вам, молодой человек, что вы привели сюда этих двоих. Однако смею вас заверить: они нам больше не нужны.

Повинуясь его короткому кивку, солдаты синхронно подняли приклады к плечу. Стас переглянулся со Стылым, сделал короткий шаг в его сторону...

В тот же миг в воздухе вспыхнуло и закружилось радужное сияние, словно кто-то пролил на поверхность лужи каплю недоступного этому миру бензина. Грохнуло несколько выстрелов, и клубящееся многоцветье исчезло, словно его и не было.

А вместе с ним растаяли в воздухе Стылый и Стас. Дима остался один, если не считать компании из нескольких десятков вооруженных людей, как минимум трое из которых целились сейчас ему в спину.

Глава 4

Карточка казалась очень странной. Нет, Дима и раньше видел старинные фотографии, выполненные на плотном эмалированном картоне, но все они были пожелтевшими от времени, растрескавшимися и ветхими. Эта же выглядела совершенно новой, будто была сделана несколько дней назад. Впрочем, возможно, именно так оно и было.

На снимке был запечатлен его отец, в профиль, со спины – в момент, когда неизвестный фотограф сделал кадр, он смотрел куда-то в сторону. Отец был в своей любимой клетчатой фланелевой рубашке и с полиэтиленовым пакетом в руке, видно, шел за продуктами в магазин. Снимок явно сделан на Земле.

Вторая карточка. Анна на черно-белом изображении выглядит намного моложе своих лет, тут ей, пожалуй, и не дашь больше восемнадцати. Фотография сделана на ходу, девушка смотрит куда-то вниз, непослушные короткие волосы растрепаны ветром, сбившись на макушке в причудливый вихор.

– Узнаете?

Бетамор Тан – так представился этот человек – говорит на клондальском чисто, даже слишком грамматически правильно, нарочито артикулируя каждый слог. Видимо, этот язык для него не родной. Или специально произносит слова так, чтобы Диме было легче его понять?

– Мы следили за ее группой несколько недель, – продолжил тем временем он, – тщательно следили. Не только здесь. Планировали забрать документы. Но все сорвалось в последний момент из-за нелепой случайности.

– Зачем это все? – отложив карточки в сторону, поднял взгляд Дима. Бетамор Тан зацокал языком, покачал коротко стриженной головой.

– Это вам, чужакам, хорошо. Фьюить – и вас тут нет. Сидите у себя дома и посмеиваетесь, так? А у нас совсем другая ситуация. У нас тут близится война.

– Я не проводник, – словно оправдываясь, возразил Дима. – Я не умею перемещаться между мирами.

– И тем не менее. Среди нас, родившихся в Центруме, проводников нет вообще. Ни одного, понимаете? Значит, вы, чужаки, изначально находитесь в более выгодном положении.

Дима молча пожал плечами.

– Сурган – слишком серьезная угроза, – продолжил Бетамор Тан, – большая и очень опасная. У нас есть информация... Из источников, которым мы можем доверять... Что скоро Сурган при поддержке Онелли начнет войну. Очень скоро. Под ударом в первую очередь окажутся Краймар и Аламея, однако война может перекинуться и на другие страны. Если Сурган того пожелает, он раздавит крошечный Цад в считанные дни. У нас недостаточно ресурсов, чтобы сопротивляться агрессии.

– Зато амбиций хватает, – ухмыльнувшись, заметил Дима.

– Да! – Глаза Бетамора Тана заблестели. – Лучше иметь сильного союзника, чем оказаться жертвой, не так ли? Официально во внешнеполитических вопросах Цад придерживается нейтралитета...

– А неофициально?

– А неофициально мы сотрудничаем с Сурганом через сеть совместных коммерческих предприятий. Торговые связи ни у кого не вызывают подозрений. Экспорт вина, фруктов... И технологий.

– Выходит, вы планировали передать чертежи в Сурган? – озвучил уже вполне очевидную мысль Дима.

– Чертежи сверхмощного, надежного и к тому же проверенного авиационного двигателя – неплохой козырь в сложной политической игре, не так ли? – улыбнулся Бетамор Тан. – Однако нас, как и вашу подругу, к сожалению, опередили. А потом ваш отец неожиданно вернулся домой раньше времени...

– Что с ним?

– Он жив, – примирительно выставил перед собой ладони Бетамор Тан, – и, надеюсь, здоров. В любом случае беспокоиться вам не о чем: в Сургане неплохая медицина и отличные врачи. Однако если вы желаете увидеть его живым, вам следует соблюдать благоразумие. Мы ведь поняли друг друга, не так ли?

Допрос, вернее, довольно-таки мирная беседа продолжалась еще около часа: Бетамора Тана несказанно огорчил тот факт, что переправленный не без помощи Димы в Центрум самолет попал в руки пограничников. Еще больше он расстроился, узнав, что Дима не сможет восстановить похищенные чертежи. Похоже, он ожидал чего-то иного. Пообещав продолжить разговор завтра, Тан вызвал охрану, и двое вооруженных винтовками солдат в мешковатой форме препроводили Диму в небольшую комнатку, расположенную во флигеле здания торговой палаты.

Комната, по всей видимости, не была предназначена для содержания заключенных, скорее, раньше она играла роль какого-то подсобного помещения, приспособленного для хранения старой мебели, дворницкого инвентаря и другого хлама. Узкое и грязное, заключенное гвоздями окно с отломанными ручками, выходившее на глухую стену соседнего дома. Никаких решеток или иных защитных приспособлений его конструкцией предусмотрено не было. Древний, продранный в нескольких местах кожаный диван, два разломанных шкафа с отвалившимися дверцами, колченогий стул, с десятков метел и швабр разной степени потрепанности в углу. Прибитый к стене рукомойник, из носика которого капает в жестяное ведро ржавая вода, – вот и весь небогатый интерьер. Лязгнул замок, и дверь за спиной Димы закрылась.

Итак, теперь он взаперти. Что будет дальше, Дима не имел ни малейшего представления, однако догадывался, что убивать его, по крайней мере сейчас, никто не собирается. Возможно, его хотят использовать в какой-то темной политической игре или извлечь из его присутствия здесь, в Цаде, какую-то иную практическую пользу. Да и вообще с самого момента прибытия в Центрум ему сказочно везло, по крайней мере до сих пор судьба благосклонно оберегала его от случая попасть под шальную пулю. Опустившись на диван, Дима расстегнул металлические пряжки на башмаках, вытянул натруженные ноги. Было бы неплохо попросить давешнего косоглазого башмачника, столь умело заманившего пограничников в хорошо подготовленную засаду, заменить на что-нибудь более практичное тяжеленные металлические подковки, прибитые к каблукам. Интересно, где он сейчас? Наверное, драпает со всех ног куда-нибудь подальше от Лирмора, пока разозленные погранцы не вернулись в Центрум ради праведной мести.

Если верить Тану, отца следует искать в Сургане. Только вот неизвестно, можно ли ему верить. Хотя при знакомстве Тан и не назвал свою должность, Дима предполагал, что тот имеет непосредственное отношение к военной разведке Цада, а эти ребята врут даже тогда, когда говорят «доброе утро». Можно, конечно, расслабиться и плыть по течению, ждать, куда вынесет его нелегкая, – рано или поздно его заточение подойдет к концу. А можно попробовать смыться отсюда подобру-поздорову. И пробираться в Сурган.

Дима подошел к окну, сквозь пыльное стекло которого в комнатку заглядывали звезды. Окошко узкое – даже если разбить стекло, протиснуться сквозь него будет сложно, да и исцарапаешься весь. Кроме того, окно располагалось на уровне второго этажа, а стена выглядела гладкой, как бильярдный стол: ни дерева поблизости, ни вьющихся растений, за стебли которых можно было бы ухватиться. Видимо, поэтому никто и не озаботился прикру-

тить к окну решетку, она была здесь попросту не нужна. Дверь тоже не оставляла надежды на быстрое спасение: массивная, крепкая, с закрывающимся снаружи на ключ замком. Убедившись, что открыть ее изнутри невозможно, Дима улегся на диван, закрыл глаза и постарался расслабиться.

Проснулся он от грубого толчка в плечо. За окном уже зеленел рассвет. Солдат, пытавшийся его разбудить, вновь толкнул Диму и произнес короткую фразу на незнакомом языке, жестом приказывая ему встать. Второй охранник, сжимая в руках винтовку, замер в дверях.

Поднявшись на затекшие ноги и застегнув металлические пряжки на башмаках, Дима вопросительно посмотрел на неожиданного визитера. Тот кивком головы указал на дверь. Вздохнув, Дима послушно направился к выходу, стоявший в дверях охранник с винтовкой за плечом зашагал впереди, показывая дорогу, второй пристроился за его спиной. Сейчас коридор тускло освещался несколькими масляными светильниками, да из редких окон падал чуть приглушенный свет. Охранники перебросились парой непонятных фраз, затем тот, что шел сзади, слегка подтолкнул Диму в спину.

Лестница в два пролета, снова коридор, и еще одна дверь вывела их на полутемную площадь. Утренний воздух свеж, небо над шпилем собора уже залито призрачным голубоватым светом. Чуть в стороне, на углу с близлежащим переулком, темнеет силуэт запряженной повозки с желтоватым фонарем на облучке, нетерпеливо всхрапывает, переминаясь с ноги на ногу, темно-рыжая лошадь. По всей видимости, им туда. Охранники выглядят ослабленными, у того, что впереди, винтовка закинута за спину, а тот, что топает следом, беззаботно насвистывает какую-то незамысловатую мелодию. Вот он, шанс. Или не стоит даже пытаться? Везение не может длиться бесконечно, пристрелят как пить дать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.